

Т. С. Лыткина, С. С. Ярошенко

Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы

ЛЫТКИНА Татьяна Степановна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Адрес: 167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

Email: tlytkina@yandex.ru

На материалах социологического исследования, выполненного в рамках качественной методологии, предлагается анализ практик природопользования и отношения к ним российских граждан в целом и местного сообщества в частности. Развиваемая концепция вытеснения предполагает системное воспроизводство окраины внутри национальных государств и характеризуется низким потенциалом местных сообществ влиять на формирование стратегий развития региона, отличающегося богатыми природными ресурсами, а также ограниченными возможностями его жителей заниматься значимой деятельностью, управлять личной жизненной ситуацией в условиях сурового климата и дорогостоящего проживания. Доказывается, что современные практики природопользования представляют собой потребительские и квазитрадиционные стратегии освоения Севера. Они не способствуют формированию сберегающих стратегий развития территорий, несмотря на рост критического отношения проживающих в регионе к сложившейся ситуации и осознание лишения их права владеть и распоряжаться землёй и природными ресурсами. Вытеснение является результатом институционализации длительных и множественных практик социального исключения. Институционализация запускается политикой природопользования, игнорирующей интересы коренных жителей и, как следствие, затрудняющей поддержание общего интереса северян к участию в выработке стратегии регионального развития. Она характеризуется осознанием несправедливости такого положения, закрепляется индивидуальными защитными стратегиями и поддерживается пятью механизмами — мифологизацией благополучия Севера, эксплуатационным способом освоения природных ресурсов, перенесением издержек добычи ресурсов на жителей региона, игнорированием интересов местных сообществ и усилением миграционных установок. Сохранившееся с позднесоветских времён правило доступа к благам через рабочее место не соответствует новым вызовам. В результате ресурсы извлекаются в одних регионах, а прибыль направляется в другие. В северных регионах, где таким образом добываются природные ресурсы, формируются различные виды зависимостей и происходит обеднение живущих в них людей.

Ключевые слова: вытеснение; практики природопользования; неолиберальная политика; северные регионы России; освоение и колонизация; северные народы; традиционный образ жизни.

Введение

Теоретическое обоснование различных путей экономического развития регионов и стран исторически относится к периоду после Второй мировой войны и тесно связано с деятельностью Всемирного банка и концепциями, которые лежали в основе восстановления послевоенной экономики развитых стран

ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, член правления Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Адрес: 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Email:
svetayaroshenko@gmail.com

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

Первого мира, а также преодоления экономической отсталости в странах Третьего мира [Кротов 1998: 10]. Выделяют несколько причин отсутствия стимулов устойчивого развития территории, богатой природными ресурсами, которые мы свели к двум основным. Первая — это *проблема «голландской болезни»*, которая при росте цен на экспортные товары на мировом рынке приводит к снижению конкурентоспособности промышленного сектора [Кротов 1998; Auty 2001]. Вторая — это *тенденция к анклавизации*, когда экспорт природных ресурсов оказывает влияние на усиление рентоориентированного поведения, способствующего сокращению темпов экономического роста в обрабатывающем секторе [Torvik 2002], принятию решений об инвестициях в неэффективные проекты [Robinson, Torvik 2005; Torvik 2009], отсутствию стимулов к накоплению человеческого капитала и осуществлению инноваций [Веселов 2010], росту неуправляемости регионов, богатых природными ресурсами [Watts 2007]. Все вышеупомянутые работы, выполненные в рамках политэкономического анализа развития территорий, активно используются учёными разных дисциплин. Однако остаётся без ответа следующий вопрос: почему формирование ресурсов второй природы, связанных с созидательной деятельностью человека и позволяющих дифференцировать экономику, сохранять экономический рост, часто происходит, минуя зоны извлечения прибыли от природных богатств — ресурсов первой природы?

На наш взгляд, концепция вытеснения, предложенная Саскией Сассен, американским социологом и экономистом, известной исследованиями глобализации, международной миграции и урбанистики, как и другие концепции накопления капитала в условиях глобализации рыночных отношений [Harvey 2005; Dörre 2010], критикует современные способы извлечения прибыли. С. Сассен, в отличие от концепций «голландской болезни» или «экономики анклава», доказывает, что современный экономический рост характеризуется примитивными формами накопления одних за счёт других. Он сопровождается сокращением экономики во многих частях мира, разрушением биосферы и (вос)производством бедности населения там, где проблема была уже решена. С. Сассен концентрирует внимание исследователей не столько на интересах властвующей элиты, сколько на системных возможностях, подталкивающих к неравномерной концентрации ресурсов [Sassen 2014]. Вытеснение, представляемое в виде лишения привычных жизненных проектов, средств существования, участия и социального контракта, принятого при либеральной демократии [Sassen 2014: 29], предлагается в качестве нового инструмента анализа негативного влияния глобальной рыночной экономики на общество, благодаря которому можно чётче обозначить множественное и системное *воспроизводство окраины* внутри национальных государств, а также учесть в аналитических рассуждениях и объяснениях системные тенденции текущих изменений.

В данной статье предлагается дальнейшее развитие концепции вытеснения, предполагающей осознание единства общества и территории, а также критическое осмысление происходящих в современном мире процессов и того, как глобальные рыночные условия действуют через специфику стран, не относимых к «либеральным демократиям». Наша статья посвящена Российскому Северу. Многие усомнятся в актуальности поставленной проблемы,

поскольку, несмотря на то что Российский Север был систематически «недоразвит», он всегда ассоциировался с богатством — с неисчерпаемыми природными ресурсами и высокими доходами населения. Действительно, статистические данные все ещё демонстрируют преимущества, созданные прежней системой государственного социализма для жителей Севера. Так, жилищные условия пока не хуже, чем в остальной части России, несмотря на то что ветхого жилья становится больше, а широкомасштабные программы газификации не охватывают сельские районы Российского Севера, где частные дома по-прежнему отапливаются дровами. Неплохо выглядит уровень образовательной системы, даже если число студентов сокращается, особенно в районах Крайнего Севера. Если за три года (2015–2017) доля студентов по всей России сократилась на 2,3%, то в районах, приравненных Северу, — на 7,8%, в районах Крайнего Севера — на 15,7% [Смирнов 2020]. Ситуация усугубляется массовым оттоком квалифицированных работников и старением населения [Лыткина, Смирнов 2019а].

Среднемесячная заработная плата на Севере выше, чем по стране, на 53%¹, но она всё меньше компенсирует проживание в сложных климатических условиях. Высокие заработки характерны лишь для занятых на предприятиях, добывающих полезные ископаемые, руководство которых не заинтересовано в приёме на работу местных жителей и активно использует вахтовый метод организации труда с привлечением внешних работников. Размер заработной платы, фиксируемый по месту производственной деятельности независимо от места проживания работника, создаёт видимость высокого уровня жизни северян. Однако в реальности процессы (вос)производства бедности на самом Севере протекают интенсивнее, и бедных становится больше, чем в целом по России [Лыткина, Смирнов 2019b: 34]. Наконец, в последнее время ведутся бурные дискуссии о векторе экономического развития Российской Арктики и её важности с точки зрения геополитических интересов страны, а по сути, речь идёт о процессе сжатия экономической зоны развития Севера и её смещении в сторону Арктики. Такой поворот не может не поддерживать культуру пессимизма северян [Лыткина 2014а], так же как и опасения учёных в том, что необходимость поиска новых мест изъятия природных ресурсов приведёт к сокращению интересов со стороны государства и экономических агентов к территории, где уже ведётся добыча природных ресурсов [Лавриков 2020: 386]. Безусловно, что и в остальной части России ситуация не всегда лучше, однако, несмотря на высокий экономический потенциал северных регионов, позитивные прогнозы их социально-экономического развития в долгосрочной перспективе представляются более сомнительными. Компании, ведущие производственную деятельность, зарегистрированы за пределами Севера; проводимые ими реинвестиции в услуги, инфраструктуру, образование недостаточны для развития человеческого потенциала и альтернативных видов занятости северных территорий. Движение производства по добыче природных ресурсов не предполагает создания замещающих экономик и производств, а значит, и новых видов заработков². Точечно выстроенная инфраструктура быстро приходит в негодность, поскольку ресурсов для её поддержания у территорий нет. Более того, на территориях с добывающей промышленностью экологические риски выше, чем там, где преобладает обрабатывающая промышленность [Битюкова 2015: 39]. Наконец, у северных территорий нет альтернативных ресурсов для развития, как у южных регионов с благоприятными климатическими условиями, представляющими интерес для частного бизнеса (плодородные земли, яркое солнце, тёплое море). Иными словами, северные территории с истощёнными природными ресурсами и нарушенной экологией будут иметь меньше возможностей для восстановления экономики и повышения качества жизни, чем остальные регионы России. Косвенным доказательством служат показатели валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, которые уже сегодня сокращаются в северных регионах быстрее, чем на юге страны, а также факты социальной и экологической неустойчивости, нашедшие отражение в публикациях учёных [Фомина 2022].

¹ Ещё в начале 2000-х гг. средняя заработная плата на Севере превосходила среднюю российскую более чем вдвое.

² Мелкий и средний бизнес активно вытесняется международными компаниями и крупными корпорациями других регионов России.

В то же время политика поддержки малочисленных народов Севера, включающих 26 этнических групп, ориентирована на консервацию их образа жизни без возможностей участия в современных производственных цепочках. Лишённые влияния на вектор социально-экономического развития своих территорий, они часто оказываются в конфликтных ситуациях с добывающими предприятиями [Тулаева, Тысячнюк 2017]. В уязвимом положении находятся и более широкие слои населения — коренные жители Севера: коми (зыряне), саха (якуты), русские «старожилы». Считается, что их способы хозяйствования не были в полном смысле «традиционными», поэтому их интересы можно не принимать во внимание [Слезкин 2019: 18]. Заложниками Севера оказались и недавние его покорители, не имеющие сегодня ресурсов для миграции.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в развитии концепции вытеснения применительно к Российскому Северу, а также в конкретизации понятия «вытеснение» как результата институционализации исключения. Важное место в концепции, с одной стороны, занимает государственная политика природопользования, игнорирующая интересы коренных жителей и не представляющая общего интереса северян, а с другой — осознание местными сообществами лишения их права владеть и распоряжаться землёй и природными ресурсами, невозможности влиять на формирование стратегии развития территории.

Ограничение прав и полномочий распоряжаться природными ресурсами явилось результатом *длительных и множественных практик социального исключения* в различные исторические периоды на Российском Севере. При этом социальное неравенство формируется через создание благоприятных условий и защиты интересов одних — «успешных» (или привилегированных) — и ограничения возможностей других — «неуспешных» (непривилегированных). Первые становятся обладателями совершенных навыков, востребованных глобальным миром; вторые же характеризуются недостатком личных усилий в сфере жизнеобеспечения [Лыткина, Смирнов 2019b: 28]. В итоге среди граждан растёт число тех, кто в результате социального исключения лишён возможности заниматься значимой деятельностью и управлять личной жизненной ситуацией [Сен 2004; 2016; Лыткина 2011; Ярошенко 2013], и всё больше ограничивается в доступе к средствам существования [Ярошенко 2017]. Постепенно утрачивается социальная чувствительность различных групп к противоречиям и конфликтам в реализации своих интересов и к барьерам на пути выстраивания солидарных отношений [Лыткина 2012]. Сегодня мы можем наблюдать, как высокие потребительские стандарты вызывают восхищение и получают широкую огласку, консервируя иерархическое расслоение и вертикальное неравенство, позволяя стигматизировать одних и оправдывать действия других. В то же время способы извлечения выгод замалчиваются, выкорчёвывая остатки социальной ответственности.

Однако если социальное исключение скрыто в множественных политиках и практиках социального взаимодействия различных социальных групп в процессе (вос)производства и (или) преодоления бедности, то вытеснение представляет собой институционально организованное исключение территориального сообщества. Иными словами, *вытеснение* не концентрируется на отдельных социальных группах, слоях и классах, а направлено на территории стран, регионов и областей. Оно определяется как ростом экономических и геополитических интересов государства и (или) игроков крупного бизнеса, так и снижением интереса и очень неустойчивым отношением к развитию территории. Так, с началом рыночных реформ хозяйственная деятельность на Севере подверглась резкой критике, что привело к отказу от прежней стратегии развития Севера и отсутствию чёткой текущей государственной политики по отношению к северным территориям. Созданный в 1990 г. Государственный комитет РФ по вопросам Севера менял статус несколько раз: осенью 1998 г. его ликвидировали, в мае 1999 г. восстановили. Разрабатываемые правительственные документы по отношению к Северу сводятся к сокращению федеральных расходов, сужению структуры хозяйства, переселению северян, переходу на вахтовый метод организации труда, перекладыванию финансово-экономических затрат с центра на регионы. Так, осе-

нию 1999 г. было объявлено намерение Правительства РФ снять в начале 2000 г. с северян все льготы и привилегии. Затем поступили предложения о возможности концентрации финансовых ресурсов в агломерациях страны [Бирюков 2010], относительно малолюдный Российский Север выпадал из системы распределения ресурсов [Фаузер, Смирнов 2018; Фаузер et al. 2022]. В 2005 г. в результате укрупнения регионов четыре субъекта Российской Федерации потеряли самостоятельный статус³. В 2014 г. из границ сформированного Российского Севера началось выделение Арктики как отдельной экономической территории и зоны повышенного внимания руководства страны [Малов, Тарасова 2012: 149]. Потребительская политика природопользования, реализуемая на Российском Севере «сверху», усугубляется отсутствием солидарности на уровне местных сообществ и формированием на уровне семьи разнонаправленных способов решения материальных проблем, которые в условиях ограниченных возможностей лишь способствуют закреплению механизма дальнейшей эксплуатации территории и социальному исключению жителей целого региона [Лыткина 2012; 2014b: 45]. В данной статье вытеснение будет рассмотрено через взаимосвязь практик текущего природопользования со снижением уровня и качества жизни жителей Российского Севера, а также через осознание местными сообществами отсутствия возможности участия в принятии решений, направленных на формирование стратегий развития региона.

Эмпирическая база

Исследование, на результаты которого мы будем ссылаться, было проведено в 2004 г. Тогда в рамках качественной методологии кейс-стади — развёрнутого социологического изучения «случаев» в нескольких муниципалитетах Республики Коми — были осуществлены сбор и анализ социальных фактов относительно отношения местных жителей к действующей политике и практике природопользования⁴. В ходе исследования были выбраны пять муниципалитетов, или случаев, отличающихся типом и интенсивностью использования природных ресурсов: Усинский, Печорский, Вуктыльский, Троицко-Печорский, Ижемский. Первые три района являются городскими муниципалитетами; два других — сельскими. Ижемский район имеет высокую долю коренного населения в республике. Районы были выбраны исходя из возможностей диверсификации их экономики (например, за счёт развития туризма на базе национального парка «Югыд Ва»). Однако ни один район не смог справиться с ресурсной зависимостью и реализовать перспективы дальнейшего экономического развития без эксплуатации природных богатств в рамках берегающей стратегии использования ресурсов первой природы и формирования ресурсов второй природы. Районы представляют разную степень проявления эксплуатационной логики и политики природопользования — от ярко выраженной потребительской в Усинском районе до квазитрадиционной в Ижемском.

В ходе исследования были взяты экспертные интервью ($N = 27$). Экспертами являлись ключевые фигуры, влияющие на характер использования имеющихся природных ресурсов: представители властных структур (муниципальных образований), руководители промышленных предприятий — основные пользователи природных ресурсов данных территорий, руководители природоохранных учреждений и лидеры общественных организаций. Глубинные полуструктурированные интервью также проводились в семьях с разным материальным достатком. В каждом случае были проведены не менее 25 таких интервью, собраны муниципальная и региональная статистики, анализировались публикации в СМИ.

³ Коми-Пермяцкий автономный округ (АО), образовавший вместе с Пермской областью Пермский край; Корякский автономный округ. Были образованы Пермский край (вошли Пермская область и Коми-Пермяцкий АО; 1 декабря 2005 г.), Камчатский край (вошли Камчатская область и Корякский АО; 1 июля 2007 г.), укрупнён Красноярский край (вошли Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский АО; 1 января 2007 г.). Четыре субъекта на Севере потеряли статус субъектов РФ: Коми-Пермяцкий АО (вошёл в Пермский край; 1 декабря 2005 г.), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский АО (Красноярский край; 1 января 2007 г.), Корякский АО (Камчатский край; 1 июля 2007 г.).

⁴ Проект «Интегрированная система управления бассейном р. Печора (PRISM)», осуществляемый в сотрудничестве между Институтом RIZA (Нидерланды) и Коми научным центром УрО РАН, 2000–2006 гг.; см. <https://ib.komisc.ru/add/old/prism/downloads/prism.pdf>

Потребность в последующем анализе материалов данного социологического исследования возникла в результате осмысления процессов множественного исключения, проявленных на уровне индивидов и сообществ в 1990-х — начале 2000-х гг. [Лыткина 2005; Ярошенко 2005]. До тех пор пока новые способы и формы чрезмерной эксплуатации не сконцентрировались в едином социальном пространстве, исследование оставалось не востребованным. В 2004 г., когда проводились замеры оценки политики разумного природопользования и текущей практики взаимодействия местного населения с природой, активно обсуждались возможности внедрения инновационных технологий природопользования. Предполагалось, что они способны наладить экономическое развитие, не только не разрушая традиционные экологические ценности, но и формируя экологическое сознание, обеспечивая достойный уровень жизни местного населения. Данный посыл должен был остановить наблюдаемые нами процессы исключения. Но этого не произошло, более того, процессы получили дальнейшее распространение.

За последние два десятилетия нами был проведён ряд исследований, направленных главным образом на изучение проблем бедности, состояния гражданского общества, демографических и миграционных процессов, локальных рынков труда северных территорий⁵. Со своими респондентами мы обсуждали наиболее злободневные проблемы региона, способы их решения и перспективы регионального развития. Иными словами, мы могли бы актуализировать результаты раннего исследования, но убедились, что это, скорее, внесёт методологическую путаницу, чем усилит наши утверждения и выводы. В то же время ни одно из более поздних исследований не является столь же комплексным, как исследование 2004 г., в котором приняли участие и эксперты, и местные жители. В результате обсуждений и работы с замечаниями рецензентов было принято решение использовать данные только этого исследования.

Вторичный анализ результатов исследования проводился через уточнение смыслов благополучной жизни в регионе, восприятие лишений и приемлемых способов их преодоления, а также через сопоставление оценочных суждений жителей районов о социальной эффективности использования природных ресурсов⁶, о влиянии стратегий природопользования на уровень и качество жизни в Республике Коми. Следует отметить, что осознание местными сообществами лишения их права владеть и распоряжаться землёй и природными ресурсами, а также ограничения возможности участия в принятии решений, направленных на формирование стратегий регионального развития, зафиксировано на основе оценки респондентами текущих проблем региона, а не наших исследовательских интересов.

В фокусе внимания исследования — Республика Коми, расположенная в Европейской части Российского Севера, которая может быть названа ресурсной, поскольку зависит от наличия и характера использования природных ресурсов. Согласно данным официальной статистики на 2019 г., 43,8% ВРП приходится здесь на добычу полезных ископаемых, а 9,2% — на обрабатывающие производства [Регионы России 2021: 462]. Российские географы Н. Замятина и А. Пилясов выделяют три этапа освоения территории [Замятина, Пилясов 2017]: (1) пионерная; (2) пиковая добыча и стабилизация; (3) истощение⁷. Таким образом, обращение к Республике Коми, представленной в данной работе и находящейся на третьей стадии освоения, даёт почву для размышлений о будущем всего Российского Севера. Жители городов, расположенных на истощённых территориях, не только становятся более чувствительными к

⁵ Программа фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Социальный потенциал Российского Севера: сети, доверие и практики взаимопомощи» № 12-У-7-100, 2010–2012 гг.; Проект «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности пространства северного региона» программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 2009–2011 гг.

⁶ В рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

⁷ Позже один из авторов предложил другую классификацию [Замятина 2019: 181]: (1) зона пионерного освоения; (2) староосвоенные территории; (3) зоны окружного резерва. Тем самым предполагается, что освоение территории может состояться в долгосрочной перспективе. Применительно к целям нашего исследования уместнее выделение этапа истощения, не исключающего впоследствии геологических разведок и поиска новых месторождений и вторичного их освоения.

местным условиям, к созданной инфраструктуре, но и имеют меньше рычагов влияния для привлечения внимания общественности и власти к своим проблемам. Хотелось бы подчеркнуть, что даже в период активного освоения месторождений политика, обеспечивающая сверхприбыли промышленным компаниям, сосредоточена на точечных вложениях в развитие отдельных населённых пунктов (городов), на поддержку незначительной части регионального сообщества и занятых работников, не обязательно проживающих на территориях освоения, в то время как остальная часть населения может испытывать серьёзные лишения. Это способствует, с одной стороны, мистификации богатств Российского Севера, а с другой — формированию механизма вторичной эксплуатации, позволяющего впоследствии расширить охват уязвимых групп⁸, что и наблюдаем в настоящее время на примере Республики Коми.

От исключения к вытеснению: теоретические рамки анализа

Итак, наши предыдущие исследования были нацелены на описание и объяснение процессов исключения, вызванных распространением рыночных отношений на ранее не охваченные ими сферы и ярко проявленных на индивидуальном уровне в сокращении возможностей заниматься значимой деятельностью. Позже процессы исключения перешли на уровень локальных сообществ и выразились уже в ограничении доступа к средствам существования. В настоящее время, по-прежнему придерживаясь основных положений социологического марксизма, в котором исключение является составной частью эксплуатации [Буравой, Райт 2011: 50], мы изучаем действие принципа исключения на уровне отдельно взятой территории. Для этого уточняем теоретическую рамку с учётом существующих объяснений растущего при неолиберализме социального неравенства. Особое внимание уделяем тем исследованиям и теориям, которые рассматривали специфику воздействия глобальных рыночных отношений на взаимодействие исключения и эксплуатации в выстраивании новой логики накопления капитала через ограничения доступа к условиям благополучия в разных странах и регионах.

Д. Харви, американский географ, детально рассматривает эти процессы через призму распространения неолиберального проекта [Harvey 2005]. Он определил неолиберализм в качестве политэкономической практики, исходящей из убеждения, что благополучие людей может быть достигнуто путём предоставления индивидам свободы предпринимательства с помощью институтов, поддерживающих право частной собственности, свободу торговли и свободный рынок. Роль государства — обеспечить институциональные рамки, подходящие для таких принципов, в том числе создать рынки там, где они ещё не действовали (рынок земли, воды, природных ресурсов, образования и заботы). В ходе реализации этих принципов с начала 1980-х гг. до сегодняшнего дня осуществлён *неолиберальный поворот* через дерегуляцию, приватизацию и сокращение участия государства в системе социального обеспечения и перераспределения. В результате власть переходит от производства к миру финансов, а изменения проводятся в интересах правящего класса, о чём свидетельствуют рост доходов и богатства у 1% высокодоходных слоёв, сокращение корпоративных налогов и увеличение прибыли корпораций. Таким образом, запущены различные стратегии накопления капитала и происходит восстановление классово-власти капиталистов. Развивая теорию неолиберального поворота, Д. Харви критикует концепцию расширения Р. Люксембург, согласно которой накопление капитала происходит исключительно за счёт докапиталистических обществ и прекращается, как только они будут включены в капиталистическую сеть [Luxemburg 2003]. Харви настаивает, что капиталистическая система способна создавать новые возможности для накопления другими способами [Harvey 2001: 260]. Часть стратегий связана с внутренней интенсификацией в виде проникновения капитала в некапиталистические сферы, а часть — с географическим расширением. В частности, в социалистическом Китае внутренние процессы накопления и трансформации происходят за счёт сельских районов. Внешняя привлекательность китайско-

⁸ В более ранней работе мы отмечали, что игнорирование интересов и прав уязвимых социальных слоёв приводит к постепенному расширению состава исключённых, укреплению структур неравенства и формированию вертикали власти [Лыткина, Ярошенко 2019].

го рынка обеспечивается сочетанием более низкой заработной платы и меньшего вложения капитала в средства производства, что повышает рентабельность капитала выше уровня американских заводов и способствует привлечению инвестиций [Harvey 2005: 138]. В данном анализе чётко обозначены универсальные характеристики неолиберальной политики и неизбежность мобилизации внутренних резервов накопления капитала в процессе исключения, однако специфические проявления этих процессов в конкретных странах представлены довольно схематично, что позволяет нам их уточнять на примере реализации эксплуатационного способа природопользования на Севере России.

Крайние формы примитивного накопления в африканских странах, богатых природными ресурсами, анализирует Майкл Уотс, профессор в области исследований развития из Калифорнийского университета (Бёркли, США). На примере Нигерии он анализирует последствия проведённого там неолиберального реформирования 1970-х гг. и на этом фоне существенного увеличения добычи нефти [Watts 2006]. При этом растёт бедность: в 1970–2000 гг. доля населения с доходами менее 1 дол. на человека в день выросла с 36 до 70%. Расширяется география исключения и маргинализации, которая проявляется в ограничении права этнических меньшинств, проживающих в нефтедобывающих районах, распоряжаться доходами от нефти. Угрозы голода, военные конфликты, а не только так называемая «экономическая миграция», вытесняют сотни тысяч людей со своих мест. Растёт как насилие со стороны государства, так и сопротивление воинственно настроенных молодёжных групп, обиженных бедностью, безработицей и минимальными образовательными возможностями. На этом фоне распространяется организованное хищение нефти и усиливается стремление нефтяных компаний купить согласие молодёжных групп и местного населения [Watts 2007]. По сути, М. Уотс развивает теорию анклавизации, предлагая концепцию организованного расхищения природных богатств. В данном подходе освещаются системные особенности исключения в качестве составной части процесса эксплуатации природных ресурсов в условиях глобализации рыночных отношений и ресурсной специализации развивающегося региона, однако не раскрываются механизмы, запускающие такую форму маргинализации. В целом концепты критических географов нам интересны тем, как в них раскрываются закономерности накопления капитала за счёт эксплуатации территорий. Социальная составляющая этих процессов глубже представлена в социологических концепциях вторичной эксплуатации и вытеснения.

Растущую социальную нестабильность и рост неравенства в условиях неолиберализма стремится объяснить К. Дорре, немецкий социолог. Он уточняет концепцию «расширения» (*Landnahme*) и углубляет понятие «эксплуатация». Вслед за Р. Люксембург, сформулировавшей в 1913 г. понятие «расширение» как колонизацию [Luxemburg 2003], он рассматривает капиталистическое развитие через два взаимосвязанных процесса. Первый из них, внутренний, действует в местах производства прибавочной стоимости (на фабриках), где труд рабочих оплачивается исходя из его стоимости и применяется внешне ненасильственный способ присвоения прибыли. Второй процесс, внешний, развивается в ходе выстраивания рыночного обмена между капиталом и некапиталистическими способами производства, социальными акторами и территориями, где извлечение прибыли происходит различными насильственными способами [Dörre 2010]. Таким образом, некапиталистические территории и разные общности вовлекаются в процесс вторичной эксплуатации, то есть экстенсивного использования исчерпаемых природных и человеческих ресурсов без принятия во внимание актуальных потребностей. В итоге вторичная эксплуатация возникает всякий раз, когда символические формы политического манипулирования и давления со стороны государства используются для сохранения различий между *внутренними* и *внешними* сферами капиталистического накопления с целью установления цены труда для определённых социальных групп ниже её фактической стоимости или для исключения этих групп из капиталистических отношений эксплуатации. Следовательно, внутренняя часть социального вопроса при капитализме представляет прямое применение эксплуатации и частное присвоение производимой коллективно (на рабочих местах) прибавочной стоимости, тогда как внешняя касается сокращения доходов и снижения условий жизни ниже принятых классовых стандартов. Процесс вторичной

эксплуатации мистифицируется аналогично тому, как, в терминах М. Буравого, скрывается первичная эксплуатация [Burawoy 2012]. Уточнение социологической концепции эксплуатации в условиях неолиберального поворота позволяет чётче представить взаимосвязь исключения территориального сообщества с эксплуатацией природных ресурсов, однако остаётся неясным то, как запускается такое исключение и какой вклад в его оформление вносят реакции местного сообщества.

Если вышеприведённые объяснения растущего социального неравенства при неолиберализме так или иначе касаются разных форм исключения и их взаимосвязи с эксплуатацией, то С. Сассен настаивает, что промежуточные зоны, которые только формируются, становятся невидимыми при использовании понятий «исключение» или «эксплуатация». Согласно её концепции вытеснения глобальный капитализм вырабатывает новую системную логику воспроизводства окраины внутри национальных государств, когда население не может придерживаться привычных жизненных проектов и оказывается оторванным от средств существования, от сообщества и социальных связей, от социального контракта, принятого в либеральном демократическом обществе [Sassen 2014]. Вытеснение из экономики и общества проявляется в безработице, бедности, самоубийствах, перемещении с привычных мест проживания, а также в росте социального неравенства и сокращении среднего класса из-за ослабления перераспределения богатства. Отправной точкой для формирования новой логики формирования окраины Сассен считает 1980-е гг., когда складывается новая фаза развитого капитализма и произошли изменения, затронувшие страны как глобального Юга, так и глобального Севера, как капиталистические, так и социалистические экономики. К таким изменениям она причисляет глобальный аутсорсинг (перенос) промышленности в регионы с меньшей заработной платой и регулированием по остаточному принципу; сокращение корпоративных налогов и увеличение налогообложения индивидов, рост правительственного внешнего долга, сокращение правительственных бюджетов и сворачивание государственных проектов, прежде ориентированных на обеспечение благополучия граждан. Эти изменения Сассен связывает с программами реструктуризации и правилами управления экономикой, продвигаемыми Всемирным банком (ВБ), Международным валютным фондом (МВФ) и другими международными организациями. В числе навязываемых вместе с программами реструктуризации правил, предлагаются, в частности, контроль за уровнем инфляции, даже если это угрожает экономическому росту и занятости, сокращение уровня бюджетных расходов и приоритетное обслуживание внешнего долга ценой сокращения социальных программ, расходов на здравоохранение и инфраструктуру. Причём сами программы реструктуризации затратные и дестабилизируют работу правительств, вынуждая как к сокращению социальных расходов, так и к внешним заимствованиям средств. Эти программы становятся частью механизма дисциплинирования правительств, чья роль всё больше сводится к выполнению рекомендаций могущественных международных организаций. Сассен приходит к выводу, что программы реструктуризации были направлены на реформирование политэкономии развивающихся стран и их переустройство таким образом, чтобы они стали источником *извлечения* ресурсов — от природных до потребительских (покупательных способностей граждан). В целом высокий внешний долг и правила его преимущественного обслуживания становятся составной частью механизма извлечения прибыли развитыми капиталистическими странами от глобального капитализма. Главные причины формирования различных форм исключения, кульминацией которых является вытеснение, Сассен связывает с «хищной формацией» — совокупностью элементов, условий и взаимно усиливающихся динамичных процессов. Различные институты обеспечивают рост корпоративных доходов: международные корпорации освобождаются от ограничений, от необходимости ориентироваться на общее благо и общие интересы. Переключение на сугубо экономическую логику, заключает Сассен, становится главной системной тенденцией, которая слабо учитывается в текущих объяснениях наблюдаемой поляризации: накопление богатства немногими и борьба за выживание остальных. Ключевую роль в продвижении этой тенденции Сассен отводит способности финансов не просто продавать деньги, а извлекать из всего ценности, а также способности разрушать среду обитания (то есть биосферу).

Для продолжения дискуссии о вытеснении мы отталкиваемся от концепции С. Сассен, принимая основные её положения, заключающиеся не столько в анализе взаимодействия социальных классов в процессе производства, сколько в изучении системной логики создания окраины внутри национальных государств при действующих правилах реструктуризации их экономик при включении в глобальный рынок. Мы раскрываем действие этой логики применительно к Российскому Северу через институционализацию исключения на уровне территории, через конкретизацию проявления принципа исключения в политике природопользования и эксплуатационных способах использования природных ресурсов, а главное — в реакциях территориального сообщества на социальный эффект реализации таких правил и политик. В то же время вслед за Д. Харви мы подчёркиваем роль государства в создании институциональных оснований для распространения рыночных отношений и реализации интересов крупного бизнеса путём вытеснения. Наконец, разделяя позиции М. Уотса и К. Дорре о накоплении капитала в ходе выстраивания рыночного обмена между капиталом и некапиталистическими способами производства, мы считаем, что возможны как открыто насильственный способ присвоения прибыли (лишение собственности и прав на природные ресурсы), так и скрытый, описываемый М. Буравым применительно к производственным отношениям, принимающий форму игры и видимого согласования интересов различных социальных групп, меньшая часть из которых получает выгоду от природных ресурсов, а другая вынуждена принять действующие правила под угрозой лишения средств к существованию.

От вытеснения к созидательному региональному развитию?

Данной статьёй мы стремимся внести вклад в развитие концепции вытеснения, чтобы понять и зафиксировать происходящие изменения, объяснить причины того, что происходит сегодня на Российском Севере, а также предложить платформу для обсуждения стратегий развития северных территорий. Возможно, следовало бы признать исключение жителей Севера России, проявляющееся в географическом неравенстве, и тогда было бы достаточно воспользоваться концепцией социального исключения. Однако наше основное внимание направлено на социальное пространство, а именно на отношение разных агентов (коренные и длительно проживающие жители, мигранты, вахтовые работники, центральные и региональные власти, крупные корпорации) к территории, богатой природными ресурсами, складывающееся под влиянием государственной политики в различные исторические периоды.

Промышленное освоение в прошлом сформировало особый тип отношения к территории, связанный с интересами разных социальных групп в её освоении и свойственный группам, проживающим не только на данной территории, но и за её пределами. Наша позиция сопоставима с той, что была сформулирована двумя известными учёными-географами Н. Замятиной и А. Пилясовым на основании результатов исследования, проведённого в Санкт-Петербурге и показавшего, что мигранты с Севера России, переехавшие в Санкт-Петербург, становятся гипертрофированными местными — «сверхпетербуржцами». Н. Замятина и А. Пилясов стремятся показать, что отношение к территории складывается через её идеализацию и отрицание домиграционной идентификации. Так, поведение и отношение мигрантов к Санкт-Петербургу проявляется через абсолютизацию представлений о городе как культурном пространстве, привлекательном и идеальном месте, требующем повышенного внимания к его сохранению через особое поведение. Подобное конструктивное отношение к Северу, с точки зрения авторов, связано с «созидательным трудом на новой территории» [Замятина, Пилясов 2018: 248].

С нашей точки зрения, в России на государственном уровне в различные исторические периоды шло формирование идентичности промышленника, предполагающей отношение к территории как к месту добычи полезных ископаемых, необходимых для успешного экономического развития страны. При этом речь не шла о бережном сохранении природы и уважении традиций местных жителей. Напротив, богатства казались неисчерпаемыми, образ жизни сообществ — примитивным, а малонаселённые земли — ничейными. Идея преобразования Севера в «процветающий край» [Коротяев 1998] замеща-

ется, и он становится местом наказания и беспощадной эксплуатации, а рекламируемый советскими властями романтизм покорителей суровых территорий сочетается с технократическим отношением к территории, заработками и временным пребыванием.

Мы не утверждаем, что государственная политика в СССР полностью исключала формирование привязанности к северной территории. Напротив, многим Север заменил дом [Bolotova, Stammeler 2010], хотя, заметим, и не стал родиной. Мы также не утверждаем, что все коренные жители были лишены производственного прагматизма. Они могли проявлять более циничное отношение к территории. Их заинтересованность в подтверждении адаптивных способностей к новым практикам хозяйствования и стремление к интеграции в доминирующие социальные группы создавали основания для более интенсивного использования природных ресурсов и стигматизации коренных жителей по этническому признаку. Мы также не отрицаем, что для многих Север стал «пространством самореализации» [Ильин 2022] и творческой деятельности. Однако мы уверены в том, что пока процессы российской колонизации Севера продолжают рассматриваться как способ развития человечества и культурного просвещения плохо приспособленных к условиям жизни народов, выстраивая аргументы вокруг отсутствия насилия по отношению к коренным жителям⁹ осваиваемых территорий [Рыбаковский 2018], пока игнорируется вклад коренных жителей в развитие Севера и нарушается право на участие граждан конкретного региона в формировании стратегий его развития, укрепляется механизм централизации ресурсов, направленных на добычу природных ресурсов без замещения этих видов производственной деятельности на «созидательные» формы занятости.

Иными словами, упомянутый выше феномен «гипертрофированного местного» применительно к Северу в большей степени формировал потребительское, а не сберегательное поведение по отношению к природным ресурсам и территории, не предполагал уважения его коренных жителей, признания их прав на землю и природные ресурсы. Благодаря этому удовлетворялись государственные амбиции, реализовывались крупномасштабные проекты страны, происходившие без эквивалентного товарообмена, предполагающего развитие региона за счёт создания факторов «второй природы» [Зубаревич 2010]. Поощрение материальных интересов покорителей Севера становилось составной частью государственной политики. В результате сегодня складывается парадоксальная ситуация: претензии на природные ресурсы есть у всех граждан России, а права на их использование принадлежат крупным корпорациям, получающим одновременно огромные прибыли от добычи полезных ископаемых и щедрые государственные дотации. Учитывая систему распределения доходов от добычи природных ресурсов наименьшие выгоды получают именно группы населения, длительно проживающие на этих территориях. Хотя на них ложится вся ответственность за экологическую безопасность в районах добычи природных ресурсов, в то время как остальная часть населения продолжает развивать потребительское отношение к Северу и его природным ресурсам, не осознавая всей глубины проблемы. Более того, при отсутствии долгосрочных стратегий развития даже территория, богатая природными ресурсами, становится зависимой и нуждающейся в дотациях из федерального бюджета, что неизменно приводит к снижению темпов экономического роста всей страны.

Стратегии природопользования: целеполагание и осознание проблемы

В ходе исследования практики природопользования основных экономических агентов в рыночных условиях рассматривались по двум важным основаниям. *Первое основание* — это временные горизонты использования природных ресурсов. В зависимости от времени освоения различаются краткосрочная и долгосрочная перспективы природопользования. Основное их отличие — программное видение социально-экономического развития территории с учётом не только величины запасов природных ресурсов,

⁹ Что далеко от истины; см.: [Слезкин 2019].

но и их типа — исчерпаемые (невозобновимые) и неисчерпаемые (возобновляемые). Второе основание отражает способы использования природных ресурсов. В этом случае также возможна альтернатива, обусловленная интенсивностью использования природных ресурсов, степенью увязки с природоохранными и социальными мероприятиями и, как следствие, нарушением или сохранением баланса между природным потенциалом и устойчивостью развития. Согласно этому основанию, на одном полюсе располагается *эксплуатационный* способ природопользования, предполагающий максимальное извлечение прибыли, ограниченный (низкий) уровень мероприятий по восстановлению природных ресурсов и охране природы, слабую социальную эффективность. На другом — *ресурсосберегающий*, подразумевающий увязку экономических интересов с необходимостью проведения природоохранных мероприятий, ориентацию на повышение уровня и качества жизни. Оба способа могут реализовываться как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Взаимодействие указанных оснований формирует четыре стратегии природопользования (аналитическая конструкция представлена в таблице 1).

Таблица 1

Стратегии природопользования

Основания		Способ использования ресурсов	
		Эксплуатационный	Ресурсосберегающий
Перспективы использования ресурсов	Краткосрочные	Потребительская	Природоохранная
	Долгосрочные	Квазитрадиционная	Созидательная

Потребительская стратегия (краткосрочность + эксплуатация) ориентирована на максимальное извлечение прибыли, ограниченный (низкий) уровень мероприятий по восстановлению природных ресурсов и охране природы. Данная стратегия поддерживает эксплуатационную модель природопользования, характеризующуюся отсутствием долгосрочных программ социально-экономического развития, что в краткосрочной перспективе обязательно приведёт к низкой социальной эффективности.

В данном случае экологическая и социальная составляющие в понимании целей использования природных ресурсов сведены к минимуму. Это проявляется в трактовке краткосрочности целей природопользования и в доминировании экономического понимания проблем текущего природопользования. Кроме того, отсутствует осознание последствий потребительского отношения к природе, когда эксперты (то есть ключевые фигуры в принятии решений относительно характера природопользования) закрывают глаза на установки о максимальном использовании ресурсов без компенсации последствий добывающего производства для окружающей среды, местного населения и занятых на добывающих предприятиях. Признаки краткосрочности демонстрируют оценки запасов природных ресурсов на республиканском уровне. При этом запасы оцениваются как значительные настолько, что это не делает актуальной проблему их исчерпаемости. Напротив, озвучивается возможность их экстенсивного освоения за счёт включения в разработку всё новых месторождений.

Интервьюер¹⁰: Как бы Вы оценили сейчас состояние природных ресурсов?

Эксперт 1: Как их можно оценить? Есть ресурсы в республике.

Интервьюер: Какие?

Эксперт 1: Самые разнообразные. Начиная от угля и нефти и кончая различными металлами.

Интервьюер: С точки зрения разумного природопользования?

¹⁰ См. подробнее характеристики участников интервью в приложении (таблица П.1).

Эксперт 1: Мне этот термин не совсем понятен. Ну, они используются, и используются достаточно интенсивно. Другое дело, что не все месторождения сегодня могут быть вовлечены в эксплуатацию, именно по соображениям экономическим, и какие-то месторождения не могут быть вовлечены в эксплуатацию, потому что они находятся на территории особо охраняемых территорий.

В итоге Республика Коми как «ресурсный донор»¹¹ не только принята как данность, но и воспринимается некритично *властями разных уровней*, то есть без осмысления сроков использования имеющихся запасов. Проявление этой позиции варьируется. В одних случаях признаётся исчерпаемость ресурсов, но лелеются надежды на положительные результаты геологоразведки. В других случаях отмечается наличие ресурсов, которые по экономическим причинам пока не востребованы и ждут своего часа. А самой сложной ситуацией считается скудость ресурсов.

Квазитрадиционная стратегия (долгосрочность + эксплуатация) основана на историческом опыте бережного отношения к природе, сформированном хозяйственными, национальными и культурными традициями коренного и постоянного населения. Однако её возможности по повышению уровня и качества жизни населения ограничены, зависят от долгосрочных программ социального развития. По этой причине стратегия уязвима как в случае активного промышленного освоения, так и при распространении рыночных отношений, когда растущие материальные интересы вступают в противоречие с принципом бережного отношения к природе и усиливают эксплуатационные установки. Сегодня квазитрадиционная стратегия чаще представляет собой вынужденную практику, к ней не столько прибегают, сколько ей следуют в результате игнорирования запросов на промышленное развитие отдалённых от столицы поселений. Данная стратегия обусловлена исторически, поскольку промышленное освоение невозобновляемых природных ресурсов (нефть, газ, уголь) было оторвано от сельских территорий, где преимущественно проживали коренные жители, чья деятельность связана в основном с лесом (лесная промышленность) и с землёй (сельское хозяйство). Чем выше доля коренных жителей, тем теснее связь с домашним и сельским хозяйством. Чем дольше сохранялось домашнее хозяйство, тем выше был уровень природоохранных мероприятий. В то же время следует отметить, что в период рыночных реформ вместе со сворачиванием промышленности и диверсификацией занятости в городской среде, то есть при переносе центра тяжести с рабочего места в домашнее хозяйство, в сельской среде наблюдалось сворачивание домашней экономики. Причиной послужили отсутствие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и недостаток техники в частных домашних хозяйствах. Раньше помощь техникой оказывали лесопункты и совхозы. Следующий отрывок из интервью это подтверждает:

Вы знаете, раньше, в добрые времена, которые мы сейчас не особо жалуем, всегда выделяли какие-то средства, ремонтом дорог занимались. Теперь внутрихозяйственные дороги, они...

Это проблема, их делать некому, средств на это нету. У администрации тоже на это средств нету. А раньше, например, совхозы этим сами занимались. По любому вопросу можно было идти в совхоз. Тут вопрос транспорта, перевозки, знаете, это... Мы даже не считали, что это какие-то расходы (респондент 1).

Несмотря на ресурсную специализацию региона [Смирнов, Лыткина 2022] и рост доходов от добычи природных ресурсов, сокращаются вложения в развитие инфраструктуры и поддержание природоох-

¹¹ Данное понятие использовалось в советское время, когда открыто учитывалось распределение средств между регионами. Об усилении политики максимального извлечения прибыли от добычи природных ресурсов за счёт централизации доходов от природных ресурсов, снижения доли налогов, остающихся на уровне региона, сокращения инвестиций см.: [Юшков, Одинг, Савулькин 2017].

ранных мероприятий. Это противоречие критически оценивается местными жителями, но не властями и тем более не руководителями крупных корпораций.

В целом распространение рыночных отношений на природные ресурсы привело к интенсификации добычи природных ресурсов, сокращению компенсации местным жителям ущерба, наносимого как окружающей среде, так и качеству жизни. Эксплуатационные способы добычи природных ресурсов становятся ведущими. На этом фоне усиливается осознание местными жителями несправедливости неравного доступа к природным ресурсам и контролю над их использованием. Растёт понимание того, что высокая прибыль от добычи природных ресурсов формируется за счёт перенесения затрат и издержек на местные сообщества, длительно проживающие на данной территории.

Территориальные особенности современного природопользования

Выделенные стратегии природопользования имеют территориальные различия, которые зависят от специализации района и социального эффекта, то есть достигнутого благополучия. Ярко выраженная *потребительская стратегия* проявляется в районах, зависимых от одного ресурса, но представляющего в настоящий момент экономический интерес.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию в **Усинском районе**. Экономическое развитие данного района связано с освоением нефти в 1960-е гг. Нефть — невозобновляемый природный ресурс, поэтому именно в этом случае отчётливо проявляется экологический нигилизм¹², выраженный в оправдании краткосрочной стратегии использования имеющихся природных ресурсов, а собственно экологические проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, воспринимаются как «неудобства» (эксперт 4). При этом экономическая выгода для территории становится сомнительной, учитывая действующую систему налоговых отчислений местному бюджету и ограниченные возможности населения делать сбережения. Происходит сведение отношений к формальным: уплата налогов в условиях отсутствия законодательства о ренте, централизации налоговой базы и перечисления налогов «наверх» привела к значительному сокращению доходов муниципалитета, а также к реализации социальной политики по остаточному принципу. В 2019 г. это свелось к завершению начатого ранее строительства детских садов в двух сёлах района. Следует также отметить, что в последнее десятилетие было уделено особое внимание обустройству города — ремонту некоторых участков городских дорог и оформлению скверов. В отличие от начала нулевых годов, когда вахтовые работники проживали в общежитиях и спали на кроватях в два яруса, а специалисты были вынуждены арендовать жильё, сейчас их разместили в уютных квартирах во вновь выстроенных домах. Тем не менее социальный эффект сомнителен, если сравнивать созданные комфортные условия для ограниченного числа людей с нанесённым ущербом здоровью человека и окружающей среде, выходящей за пределы изучаемого района. Экологическая ситуация осложняется нефтедобычей в соседнем Ненецком автономном округе и ежегодными разливами нефти «ЛУКОЙЛом». О циничном отношении к сложившемуся положению можно судить по действиям главы Республики Коми в мае 2021 г., который оказал давление на местное население посёлка Мутный материк, заинтересованное в широкой огласке проблемы.

У нас часто встречаются разливы нефти. Она испаряется. Этим мы дышим. Она попадает в воду, у нас весной вода очень грязной бывает. Весной, как правило, обострение заболеваний у всех. Ну, у всех какая-то аллергия, несмотря на то что у нас почти ничего не цветёт <> Я считаю, что да, экология у нас очень сложная. Какую воду мы пьём, что мы выдыхаем <>

¹² Нигилизм — отрицание установившихся общественных норм, ценностей и авторитетов. Общей чертой нигилизма является отсутствие чёткой положительной программы решения общественно значимых вопросов [Оников, Шишлина 1989: 365].

Немножко отъедешь, все загажено нефтью. Как бы ни старались, все равно нефть там (эксперт 2).

Жителей сельских деревень «богатого» района с регулярными разливами нефти обеспокоены экологической обстановкой: использование в пищу даров природы и выращенных продуктов на приусадебном участке становится опасным, а услуги здравоохранения недоступными:

До Усинска далеко и дорого добираться (респондент 2).

Но даже в самом Усинске качество предоставляемых медицинских услуг низкое из-за нехватки профильных специалистов. В целом ситуация на селе аналогична жизни в других сёлах республик (об этом речь пойдёт далее). Селяне проживают в состоянии застойной бедности. Однако в большей степени, чем в других сельских районах, они испытывают на себе последствия потребительского отношения к природным ресурсам. Среди них растёт осознание сформированной добывающими предприятиями мёртвой зоны, непригодной для проживания.

В итоге в данном районе прочно сочетается неадекватное понимание временных перспектив освоения территории (срок жизни города или поселения) с реализацией потребительской стратегии. Муниципальные власти сознают исчерпаемость нефти:

Лет на 30 хватит (эксперт 3).

Тем не менее они признают, что Усинск будет жить чуть ли не вечно, так как этот город становится перевалочной базой по мере продвижения нефтедобычи дальше на Север. О том, сколь крепки такие настроения, свидетельствуют и противоречивые мнения о том, на сколько хватит запасов угля в соседней Воркуте: называются сроки от 40 до 300 лет. Правда, в отличие от Усинска, в Воркуте практически 90% населения стоит в очереди на переселение. Между тем и в Усинском районе, несмотря на некоторый прирост населения, широко распространены миграционные настроения, признание временности проживания в районе и готовность уехать при ухудшении социально-экономической ситуации.

Вуктыльский район — ещё одна территория с невозобновляемым природным ресурсом, краткосрочными перспективами его использования, непоследовательными природоохранными мероприятиями при сохранении эксплуатационной логики освоения, с относительно высокой долей сельского населения. Развитие района также пришлось на 1960-е гг. Ресурсную базу муниципальной экономики составляют запасы природного и попутного газа, а также сырой нефти, включая газовый конденсат. В качестве альтернативной занятости и точек роста эксперты предлагали развитие лесозаготовительной отрасли. Но разработка лесных ресурсов затруднена из-за их транспортной недоступности и отдалённости от лесоперерабатывающих предприятий. В советские годы лесная отрасль в районе была одной из ключевых. В годы экономических реформ произошло значительное сокращение объёмов производства, отрасль была признана нерентабельной, как и весь Российский Север. Незначительные остатки лесозаготовки сохранились в сельских районах, но без дополнительных инвестиций она не может развиваться. При поддержке газовой отрасли до недавнего времени успешно развивалось сельское хозяйство¹³. Также на территории района располагается один из самых больших национальных парков России, площадь которого около двух миллионов гектаров; кроме данного района, парк располагается на территориях Интинского и Печорского муниципальных образований. С 1994 г., как и в Печорском

¹³ Эксперты отмечали, что даже в условиях сурового северного климата сельское хозяйство может быть если не прибыльным, то самокупаемым. При этом учитывалась социальная цена сохранения сельского хозяйства в районе: качество жизни северян, выраженное в правильном питании, сохранении рабочих мест, стимулов к труду (вместо ориентации на пособия).

районе, здесь есть возможности туризма, но в отличие от Печоры, где население сел, пусть даже и в незначительном количестве, используется в качестве работников (проводники по специально разработанным маршрутам), местное население практически не задействовано. И это, несмотря на территориальную близость заповедника и нахождение здесь его дирекции, куда централизованно поступают деньги, заработанные Печорским филиалом. Ситуация очень схожа с той, что действует в отношении центра и региона: несправедливое возмещение используемых ресурсов. Безусловно, поступающих денег от туризма ничтожно мало, но и они в результате используются неэффективно. В целом туризм на территории Республики Коми не приживается и никак не включается в стратегии развития.

Эксперты отмечали отсутствие экологических проблем и проявление элементов природоохранного типа стратегии, связывая это прежде всего со сворачиванием промышленных производств. Рост экологической сознательности вынужденный, он спровоцирован ограниченными запасами газа и безрезультатными поисками эффективных способов использования конденсата. Более того, вместе со снижением экологической и производственной нагрузки на территорию актуальными становятся вопросы эффективного распределения денег:

Не будет удивительным, если строительные материалы будут расхищены или сгниют, устареют, потому что всё равно тех денег, что выделены, недостаточно для ремонта здания (респондент 4).

Появляется осознание не только низкой компенсации добычи природных ресурсов, но и неэффективности использования сократившихся налоговых поступлений.

Часть населения продолжает работать в газовой отрасли, получая при этом не только высокую заработную плату, но и широкий спектр льгот. Значительная доля населения сконцентрирована в органах управления, что, по сути, стало альтернативным видом занятости. Уровень безработицы низкий, но при этом, в отличие от Усинского района, власти не заинтересованы в регистрации безработных в отдалённых местах. Отсюда резкая дифференциация населения, испытывающего к тому же моральные издержки от сложившегося положения:

Если в советское время все примерно жили одинаково, то теперь, если ты работаешь в «Газпроме», то живёшь в достатке, остальные плохо. Неуютно себя чувствуют и те и другие (респондент 5).

При явном распространении пессимистических взглядов, формировании социальной зависимости сохраняется взаимная поддержка:

Здесь все знакомые, соседи, все друг друга знают, знаешь, к кому обратиться, пойдёшь в больницу — к тебе особое отношение. Девчонки работают за копейки, такие туши ворочают и ведь не жалуются. Очень хорошее обслуживание (респондент 6).

При этом, как и в предыдущем кейсе, отмечается нехватка специалистов из-за оттока квалифицированных кадров и образовательной миграции. В целом миграционные планы зависят от уровня материального достатка семьи. Молодёжь из-за отсутствия рабочих мест в большей степени ориентирована на выезд, а родители, осознавая бесперспективность территории, подталкивают детей к отъезду. Распространено мнение, что остаются только «неудачники». Старшие возрастные группы населения, напротив, связывают свою дальнейшую жизнь с проживанием в Вуктыле, но при положительной динамике доходов стремятся присоединиться к детям.

Итак, в данном районе наблюдается вынужденный рост экологической сознательности на фоне сворачивания добывающих производств. Эксперты поддерживают необходимость развития здесь альтернативных форм занятости, но реальной альтернативой для местного населения остаётся лишь занятость в бюджетном секторе. На этом фоне возрастает потребность в предпринимательстве как факторе социально-экономического развития территории. Местные жители имеют перспективные идеи для развития предпринимательской активности при использовании природных ресурсов территории без ущерба экологии, однако они не включены в обсуждение вариантов развития территории, а бизнес-проекты не находят поддержки у районных и региональных руководителей. Отсутствие перспектив сбалансированного развития региона, неравное распределение выгод от добычи природных ресурсов, перенесение издержек от их добычи на всех жителей региона усиливает миграционные настроения.

Печорский район известен в республике как транспортный узел, сыгравший значительную роль в организации освоения Севера. Сначала все грузы направлялись сюда для разворачивания добычи нефти, газа и угля в республике, а затем для их вывоза из региона. В отличие от всех остальных предлагаемых случаев он имеет более диверсифицированную структуру хозяйства с заметной ролью электроэнергетики (Печорская ГРЭС), присутствует добыча нефти и газа, нерудных строительных материалов. В результате ярко выраженная доминанта в сферах занятости населения отсутствует, а эксплуатационный способ природопользования содержит элементы природоохранной стратегии благодаря диверсификации экономики района.

Жители Печоры с большей критичностью относятся к деятельности промышленных предприятий, не снимают с них ответственности за просчёты в использовании природных ресурсов в обмен на материальные выгоды. Несмотря на то что стратегии природопользования здесь содержат элементы энергосберегающей политики при осознании экологических проблем населением, на руководящем уровне в своё время куда активнее обсуждались перспективы альтернативной занятости в виде возможного строительства алюминиевого завода. На одну чашу весов было поставлено материальное благополучие, а на другую — здоровье и экологическая обстановка в городе. Жители ко всем заверениям о том, что предприятие не принесёт вреда здоровью человека, отнеслись скептически:

У нас в стране так не бывает <...> Вы думаете, населению все карты раскрывают? Наоборот, у нас в стране играют краплёными картами (респондент 7).

В то же время некоторые граждане проявили вполне потребительское отношение к территории. Они высказали мысль, что можно использовать строительство завода для реализации миграционных планов: *«Как только алюминиевый завод откроют, цены на жильё поднимутся в два раза. И пока цены будут высокие, надо литься отсюда»* (респондент 8). Прагматизм рядовых жителей в осознании ухудшения экологических проблем проецируется на возможность индивидуального обогащения, не привязанного к дальнейшему проживанию здесь, как стимул в реализации отложенных миграционных планов. Как правило, в таких случаях за пределами региона остались родственники или уехавшие на обучение и работу дети. Они не видят перспектив развития района, будущее удручающее, а ответственность за обеспечение семьи и воспитание детей лежит на самих гражданах. В такой ситуации миграция в более благополучные районы страны рассматривается как рациональное решение.

На уровне органов власти региона экологические проблемы называются в последнюю очередь или воспринимаются как естественные, проявляется рассогласование «социального» и «экологического» сознания, нет понимания неразрывной связи социальных и экологических проблем. Чем выше уровень власти и больше расстояние от места загрязнения окружающей среды, тем тоньше эта связь и тем естественнее кажется давление человека на окружающую среду:

Где человек живёт и работает, существуют проблемы, начиная от несанкционированных свалок, которыми окружены наши населённые пункты, и кончая проблемами техногенного, производственного характера. Когда у нас есть аварии на нефтепроводах, газопроводах, у нас есть загрязнение окружающей среды от работающих производств <...> Печорский бассейн — это отходы угля <...> Усинско-Печорский — это проблемы, которые возникают при добыче и транспортировке нефти <...> Везде, где живёт человек, он вредит природе (эксперт 5).

В то же время существует осознание зависимости благополучия территории от предприятий, ведущих там производственную деятельность, при полной её дальнейшей поддержке, несмотря на уязвимость такого положения:

Только извлекаемых запасов у нас более 100 млн тонн на территории. Ведь это же огромная база! Но мы опять отдали всё «ЛУКОЙЛу»... Какая у них стратегия будет, я не знаю. Если цена на нефть упадёт, то они не заинтересованы добывать, придумают что-нибудь. Придумать можно всё что угодно, а завтра мозги всем впарить, что нельзя добывать. Найдут сотни причин <...> Только я знаю, что у «ЛУКОЙЛа» [есть] пять балансов ежегодных, пять комплектов с разными цифрами, а сколько таких, о которых я не знаю (эксперт 6).

В данном районе наблюдается рост критики со стороны местных жителей проводимой политики природопользования, но возможности её применения ограничены из-за низкого учёта мнения граждан в формировании стратегии развития муниципалитета. Руководители муниципалитета сознают зависимость благополучия территориального сообщества от добывающих производств, но не имеют рычагов влияния на этих экономических агентов. Ещё одна очевидно осознаваемая проблема, затрагиваемая вопросы разумного использования природных ресурсов в республике, — несправедливое вознаграждение живущих в республике за используемые на её территориях ресурсы:

Смотришь телевизор. Зимой в Печоре темень, наверное, потому что ГРЭС рядом. Зато вся Москва в огнях. Всё тянут, всё мало, а на регионы наплевать. Когда все умрут от голода, кто на них работать будет? Ресурсная республика — на нефти, газе сидим, а нищенствуем (респондент 8).

Не надо рубить сук, на котором сидишь. Нельзя фундамент постоянно подпиливать. Не надо быть слишком умными, надо, чтобы люди были заинтересованы, чтобы территорию ковыряли, развивали, люди работали (эксперт 5).

В ходе исследования явно прослеживается следующая тенденция: чем ближе представители той или иной социальной группы к добыче природных ресурсов, тем слабее их голоса в поддержку экологии, тем меньше размышлений о справедливости возмещения местным жителям вреда, нанесённого окружающей среде. До сих пор сохраняется позднесоветский вариант поощрения труда занятых на производстве. Он был ориентирован на привлечение трудовых мигрантов и исходил из того, что рабочее место (а не место проживания) было эпицентром распределения благ. При таком подходе коренные жители выпадали из цепочки распределения, или, иными словами, были исключены из-за ограничений в доступе к определённым производственным ресурсам [Буравой, Райт 2011]. В рыночных условиях технократические установки специалистов — геологов, нефтяников, — «заточенные» на промышленном освоении, сохраняются и продолжают оправдывать преимущества изъятия природных ресурсов ради экономического развития региона или страны, обвиняя равнодушных в непонимании ситуации, считая справедливым и уместным предоставление привилегий по месту работы, однако резко критикуя разницу в зарплате между офисными сотрудниками, работающими за пределами республики, и работниками на местах производственной деятельности. Таким образом, занятые на производстве

(и рабочие, и специалисты, и управленцы) заинтересованы в высоких доходах, особенно если они подкреплены широким спектром дополнительных привилегий, позволяющих выстраивать миграционные стратегии и благополучную жизнь за пределами мест добычи природных ресурсов. Ситуация усугубляется вахтовым методом организации труда, когда территория для временных работников лишь место работы. В результате выгоду от добычи природных ресурсов получают скорее приезжие, нежели жители региона. Местные руководители, не имеющие поддержки «снизу» и рычагов давления на добывающие предприятия, вынуждены договариваться с их руководителями и идти на значительные уступки для реализации социальных проектов. Если раньше они могли торговаться с руководителями производств и с вышестоящими инстанциями в процессе реализации плановых показателей, то теперь в рыночных условиях действует принцип максимизации прибыли и без должного контроля со стороны власти или общественных сил руководители производств стремятся избежать дополнительных затрат и переносить их вовне.

Троицко-Печорский район по стратегиям природопользования ближе к Вуктыльскому району, хотя основной добываемый природный ресурс в нём — лес¹⁴. История советской сталинской индустриализации в этом районе схожа с историей Воркуты и Инты, угольных центров Республики Коми. До 1930-х гг. здесь проживало около 5000 человек, имевших свои лесные угодья и промысловый уклад жизни. Также здесь действовал чугунолитейный завод (2000 рабочих). В 1930-е гг. завод закрыли, а лесозаготовки, в том числе с привлечением труда принудительных мигрантов, получили широкое распространение. Доходы от леса в дальнейшем обеспечили проведение геологоразведочных работ, а также строительство промышленных площадок для масштабной добычи природных ресурсов на Российском Севере. Население выросло вдвое, а коренные жители утратили численное преимущество. Однако ситуация меняется: постепенно численность коренных жителей, привязанных к месту проживания, растёт и сегодня составляет 26,2% населения. Рост обусловлен прежде всего миграционным оттоком из района жителей других национальностей. В отличие от упомянутой Воркуты, где в связи с закрытием шахт активно работали программы переселения, жители Троицко-Печорского района проблемы переселения решают самостоятельно. С начала 1990-х гг. численность постоянного населения в Воркуте снизилась на 66,6% (это самая высокая убыль населения в республике); в Троицко-Печорском районе — на 60,3% (это самый высокий показатель сокращения численности населения среди сельских районов).

Согласно официальной статистике, 57,3% населения (всего в районе насчитывалось 10,3 тыс. человек, по данным на 1 января 2021 г.) сконцентрировано в Троицко-Печорске, административном центре, являющемся единственным в районе посёлком городского типа. Его жители имеют статус городских жителей. Но их образ жизни далёк от представлений о привычной городской жизни. Коренные жители в основном разбросаны по сёлам и деревням, зачастую не имеющим транспортной доступности¹⁵. Таким образом, одна часть населения проживает в административном центре, сохраняющем скудную инфраструктуру, обеспечивающую лишь минимальный доступ к социальным услугам; другая часть населения, как и раньше, отрезана от социальных благ, доступ к которым стал ещё более проблематичным.

Там [В одной из деревень района. — Примеч. авторов] большинство, конечно, пенсионеры. Они там выживают. Не живут — выживают. У них нет дороги. Вот сейчас, в данный момент, распутица — им не добраться. Зимой тоже — сколько раз просили, выезжали дорогу чистить — никак не смогли до них доехать. Магазины нет. Ничего нет (респондент 9).

¹⁴ С середины XIX века начинается интенсивное транспортное освоение Печоры, связанное с началом промышленных лесозаготовок. Здешний лес очень ценился и отправлялся за границу. В 1862 г. образцы печорского леса экспонировались на Второй всемирной выставке в Лондоне и получили высокую оценку. Непосредственно Троицко-Печорский район был образован в феврале 1931 г. Район также богат лесом, минеральными ресурсами, каменными и калийными солями, полудрагоценными камнями, нефтью, газом, торфом, цветными металлами, нерудными строительными материалами и подземными водами.

¹⁵ Такая ситуация в целом характерна для отдалённых сельских населённых пунктов Республики Коми.

Данный район отличается наиболее высокой степенью осознания социальной неэффективности использования природных ресурсов:

Как можно при таком природном богатстве и быть бедными? (эксперт 7).

Лес, который в советское время обеспечил стране экономический прорыв, в современный период не получает должного внимания. Тем не менее лесозаготовки и деревообработка наряду с транспортировкой леса остаются основными сферами занятости населения района. В настоящее время лесная промышленность представлена средними и малыми по объёмам производства предприятиями. Основная производственная деятельность — лесозаготовки. Она остаётся ведущей, несмотря на то что масштабы её резко сократились, а темпы роста экономической деятельности призрачны. О данном факте свидетельствуют объёмы инвестирования. Так, в 2018 г. на территории района реализовано шесть национальных проектов на общую сумму финансирования из республиканского бюджета 1 862 900 руб.; размер софинансирования из местного бюджета составил 105 105,0 руб.; денежный вклад граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей — 191 425 руб. Проекты реализованы по следующим направлениям: предпринимательство; этнокультурное развитие; занятость; дорожная деятельность. Представленные данные свидетельствуют об ограниченности масштабов и зависимости от инвестиций из федерального центра. Хозяйственные лесозаготовительные практики отличаются дисбалансом между признанием необходимости разумного природопользования и стремлением получить максимальную прибыль за счёт минимизации расходов на восстановление леса. Приведённые ниже фрагменты интервью демонстрируют разницу в подходах и преобладающую тенденцию:

Вот та база у нас вообще практически не освоена из-за отсутствия инженерных сооружений, то есть мостовых переходов, дорог, значит всего. У нас там перестойный лес (эксперт 8).

Но у нас там два фермера сразу срубили лес на корню, продали прямо на корню. Один фермер вообще взял очень большую делянку... Очень большую. Если бы у нас такое... правовое было государство, с него бы можно было спросить. Он тоже лес каким-то образом продал... Но не знаю... может, дома есть кошка, но он ничего не заводил (респондент 10).

Для добычи перестойного леса нужны инвестиции, а для контроля за избыточным потреблением леса и обратных вложений в его восстановление — действующие социальные институты, погружающие рынок в общество. Пока таких институтов не создано, доминируют рыночные (материальные) интересы над общественными (социальными и экологическими). Если руководитель отдела охраны природы Троицко-Печорского района жаловался на перестойный лес, а жители — на недостаток рабочих мест, то в других лесозаготовительных районах республики, близких к административному центру и лесообработывающим предприятиям, — напротив, на сплошную вырубку леса. Район продолжает находиться в депрессивном состоянии от последствий рыночных реформ 1990-х гг., приведших к сворачиванию лесной промышленности. Удручающую картину представляют покинутые дома...

Рыночные практики усиливают, а не решают проблемы, вызванные промышленным освоением лесного края. Сельские жители во всех районах Республики Коми отмечали, что с начала промышленных лесозаготовок в республике, то есть за сто лет, нет ни одной восстановленной лесоделянки вокруг населённых пунктов, несмотря на то что лес является восстанавливаемым природным ресурсом. Мнения жителей сельских районов подтверждаются научными исследованиями сотрудников Коми научного центра (КНЦ) Уральского отделения (УрО) РАН [Лаженцев 2021: 107]. Иными словами, активное освоение лесных ресурсов ведётся экстенсивным способом, без вложений в их восстановление и без компенсации

местным жителям ущерба, наносимого окружающей среде. Такой подход не повышает качество жизни сельского населения в сопоставлении с городскими жителями. С переходом к капитализму северное село оказалось в режиме социального исключения [Ярошенко 2004]. В сознании сельского населения накапливается усталость от очевидных противоречий между их жизненной ситуацией и искажённой её интерпретацией в СМИ, что описывается респондентами как грусть, тоска и обман, а исследователями представляется в качестве «ментальной» деградации населения [Лыткина 2008]. Неудовлетворённость местных жителей на фоне критичности к реальному капитализму усиливает романтизацию советского прошлого. Сравнительная оценка сводится к приятным воспоминаниям о советском прошлом, когда «жили как в раю» (респондент 9), тогда как в настоящем «оптимизма мало» (респондент 10).

Следует подчеркнуть, что ограничение прав коренных жителей на владение природными ресурсами было ещё в советское время, однако лишь с распространением рынка масштабы вреда, наносимого добычей природных ресурсов, увеличились настолько, что на фоне сокращения запасов природных ресурсов стали осознаваться как угроза жизнедеятельности. При сравнении ситуации в Республике Коми с другими регионами и в целом по стране оценки оказываются не в пользу республики. Отмечается, что заработная плата в регионе такая же или даже ниже, чем в других регионах России, где климат мягче, а инфраструктура значительно лучше. Вопрос отсутствия газификации сельских районов Республики Коми стоит очень остро и воспринимается как проблема не только низкого качества жизни, но и как проявления несправедливости и неэффективности существующей системы распределения доходов от добычи природных ресурсов.

Немногие местные жители ориентированы на предпринимательскую активность, но и они сталкиваются с высокой конкуренцией со стороны крупных торговых сетей, с высокими налогами, растущими требованиями к эксплуатации торговых или производственных помещений и, наконец, с рейдерским захватом их предприятий бизнесменами, приближенными к властным структурам периферийных и центральных регионов:

Мы занимались немножечко лесом, но нам так сделали, чтобы мы туда... м-м-м... у меня даже преследования были <...> У меня тут пожар, потом машина через месяц разбилась <...> Когда супермаз разбился, в нём был сын мой. И я потом просто отступилась, отдала я этот тупик. Просто отступила <...> Они состояние наживали большое (респондент 11).

По существу, очевиден механизм разворачивания эксплуатационного способа использования природных ресурсов через продвижение потребительской, а не природоохранной стратегии даже в районах с возобновляемыми природными ресурсами. Он запускается в силу экономической невыгодности затрат на восстановление леса, из-за высокой конкуренции с монополистами или предпринимателями других районов с меньшими затратами на компенсацию территориальных условий жизнедеятельности, а также при низкой эффективности действующих институтов — государственного регулирования, гражданских структур или самоорганизации — в противодействие разрушительной способности свободного рынка извлекать прибыль из имеющихся различий и особенностей.

В Ижемском районе основной сферой занятости является сельское хозяйство. Следующая по численности занятых — бюджетная сфера. Среди местных жителей заметна установка на получение государственной поддержки как малой народности «коми-ижемцев», способствующей сохранению традиционных видов хозяйствования (оленьеводство).

В целом сельские районы придерживаются традиционной стратегии хозяйствования. В результате сохранения в них традиций, обычаев и инфраструктуры при минимальных финансовых вливаниях, но при рациональном подходе сельские районы могли бы выполнять рекреационные функции для всей Респу-

блики Коми. Уровень этнического самосознания в Ижемском районе настолько высок, что его население согласно поддерживать традиционный образ жизни в способах жизнеобеспечения, обрядах и жилье:

Я бы с удовольствием что-то традиционное носила. Ну, не совсем такое, как раньше, но, скажем, современные сарафаны, красная ленточка, берестяные... Как их называют? Ну, в виде венков (респондент 12).

Жители отмечают, что социальные программы проводят разрозненно, не принимая во внимание культурную специфику жизни селян, а также варианты влияния на неё рыночных форм жизнеобеспечения. Так, например, ресурсы для развития туризма было бы логично совместить с программами по строительству индивидуального жилья в сёлах района при сохранении архитектурного стиля, бесспорно вызывающего большой интерес. Именно ижемцы стали инициаторами возвращения традиционных праздников: например, на праздник Луд¹⁶ ежегодно сюда приезжают туристы, нынешние и бывшие жители района, давно уехавшие, в том числе в другие страны. Но при этом этнопарк был построен не в Ижемском районе, где с уважением относятся к традициям, а в районе, ближайшем к Сыктывкару, столице республики, но маловостребованным для туризма и в результате простаивающем на протяжении уже нескольких лет. Иными словами, сохранившаяся традиционная культура и этническое сознание населения остаются недооценёнными ресурсами даже для развития туризма, о котором много говорят, но мало для которого делают.

Если ещё в конце 1990-х — начале 2000-х гг. сельские жители рассказывали о том, что молоко скормливали кошкам, собакам, телятам или просто выливали на улицу, то теперь поголовье крупного скота сведено к минимуму. Вместе с сокращением скота сократились и земельные угодья по выращиванию картошки, поскольку приём сельскохозяйственных овощей у населения так и не наладили:

Дорого, трудоёмко, некому сдавать (респондент 15).

Излюбленная для многих исследователей тема обогащения сельских жителей дарами природы не учитывает сезонность данного вида заработка и отсутствие стабильности из года в год. Рыболовство – один из важнейших некогда источников пропитания и дохода у коренных жителей, но оно перестало таковым быть в силу не только снижения улова в северных реках, но и отсутствия возможности конкурировать в торгах с предпринимателями из других крупных городов России: у местных жителей не хватает денег:

Скоро мы забудем, что такое рыба (респондент 13).

Раньше и промышленные выловы рыбы были, и местным хватало, а сейчас просто рыба уходит в «чужие руки»» (респондент 14).

Аналогичная ситуация в соседнем Усть-Цилемском районе, уникальном по своей природе, где до сих пор сохраняются традиции русских староверов. Как и в остальных сельских районах республики, охота здесь сопряжена с материальными трудностями в оформлении огнестрельного оружия и соблюдении правил выкупа лицензий, предполагающих для отстрела животных выезд за пределы места проживания.

В целом на примере Ижемского района с высокой долей и сельского, и коренного населения прослеживаются возможности и ограничения перспективного развития территории с учётом ожиданий местных жителей, ориентированных на длительное здесь проживание и рациональное использование ограниченных ресурсов. Фактически коми-ижемцы, жители данного района, принимают на себя роль сообще-

¹⁶ Старинный обрядовый праздник коми-ижемцев, который традиционно проводится в первое воскресенье июля.

ства с оформившимся этническим самосознанием и стремятся воспользоваться действующей правовой системой, предполагающей определённые привилегии для малочисленных групп народов Севера. Однако борьба за права коми-ижемцев как этнической группы — это не только борьба за признание определённой этнической идентичности, но и попытка контролировать природные ресурсы, защищая свои права и получая дотации. Аналогичные попытки были и у других коми (например, проживающих в Удорском районе, также претендующих на самобытность, особые права и дотации), но ни одна из групп не получила этот исключительный статус. Мнения о приобретении особых прав и привилегий разделились. Одна часть коми претендует на особые права и привилегии, а другая осознаёт, что таким образом утрачивается *солидарность* народа коми. Добавим, что через государственную поддержку отдельных этнических сообществ не решается проблема коренных народов, а появляется возможность сократить социальные расходы, адресовать их не всем коренным жителям, а только одной этнической группе. При этом сами ижемцы беспокоятся, что с получением особого статуса родной язык станет обязательным для обучения, а его преподавание будет вестись за счёт основных предметов — математики и русского языка, в результате чего выпускники школ района станут неконкурентоспособными при поступлении в вузы.

Усиливаются и противоречия в отношениях с «ЛУКОЙЛом» — бизнес-корпорацией, ведущей в районе промышленную добычу нефти. Длительное время коми-ижемцы блокировали расширение её производственной деятельности, оценивая действующий порядок распределения ресурсов как несправедливый, отдавая себе отчёт в реальной цене природных ресурсов и зная, как дорого обходятся разливы усинской нефти для их образа жизни, доступ к которому становится всё более ограниченным. Впоследствии в обмен на привилегии они уступили и разрешили вести добычу природных ресурсов в районе. Однако «ЛУКОЙЛ» стал контролировать их активность, шантажируя жителей, что при протестных настроениях помощь уйдёт в соседний район. В результате искусственно поддерживаемого противостояния между двумя соседними районами так и нет стабильного транспортного сообщения. В свою очередь, руководство республики настороженно относится к району, стремясь представить проживающие этнические группы в качестве «единой семьи» с общим домом — Россией, не акцентируя внимание на проблемах региона и возможностях их решений.

Таким образом, в данном районе выше всего осознание исключения от прав и полномочий распоряжаться природными ресурсами. Это осознание тесно взаимосвязано с этнической идентичностью и в действующем правовом режиме распространяется лишь на одну малочисленную народность коми. При осознании исключения проявляются не только материальные, но и экологические интересы, возникает критика потребительской политики природопользования и предлагаются альтернативы, полагающиеся на ценности бережного отношения к природе и культуре, но такие взгляды противоречат общей политике в регионе.

Заключение

Возвращаясь к концепции вытеснения, предложенной С. Сассен, мы должны признать, что Российский Север, в отличие от глобального Юга, не является зоной военных действий, разразившихся в борьбе за доступ к природным ресурсам. Однако он — место добычи полезных ископаемых, или мёртвая земля главным образом из-за экологических бедствий, в том числе из-за регулярных разливов нефти, разрушенной среды обитания коренных жителей, снижающегося одновременно с массовым оттоком наиболее квалифицированных кадров, уровнем и качеством жизни всего населения, в том числе недавних покорителей Севера и их детей. Обращаясь к Российскому Северу, мы углубляем понятие «вытеснение» и рассматриваем его как институционально организованное исключение территории, анализируем то, как выстраивается неравный обмен между капиталом и нерыночными способами производства в процессе добычи природных ресурсов в регионе с суровыми климатическими условиями и дорогостоящим проживанием.

Специфику этой концепции мы рассматриваем через сравнение с тремя другими интерпретациями данного процесса: через неолиберальный поворот, анклавизацию и вторичную эксплуатацию. В отличие от концепции неолиберального поворота, предполагающей наличие различных стратегий накопления капитала, мы концентрируем внимание на эксплуатационном способе использования природных ресурсов и получении прибыли за счёт перенесения издержек добычи природных ресурсов на жителей региона. В отличие от концепции анклавизации, раскрывающей организационное расхищение природных ресурсов, мы делаем упор на механизмах институционализации исключения через игнорирование интересов местных жителей, поощрение миграционных установок и идентичности временщиков. В отличие от концепции вторичной эксплуатации, акцентирующей внимание на снижении жизненных стандартов ниже классовых, мы обращаем внимание на осознание местными жителями их исключения из прав и полномочий распоряжаться землёй и природными ресурсами, участвуя в разработке стратегии развития региона.

На основании анализа пяти случаев с различными уровнями ресурсной специализации можно наблюдать, как сворачивается экономика региона, усиливается ресурсная зависимость, ограничивается доступ к благам (качественное образование, услуги здравоохранения), поддерживается экологический нигилизм. В настоящее время местные жители ностальгируют по позднесоветским временам, и тому есть ряд причин. Во-первых, несмотря на ограниченный доступ местных жителей к высокооплачиваемым рабочим местам, советское государство через развитие сельского и лесного хозяйства помогало им вести домашнее хозяйство. Во-вторых, при наличии уже в советское время экологических проблем, сказывавшихся, в частности, на сокращении дичи, местные жители никогда не были оторваны от даров природы (то есть от леса и воды). Наконец, на фоне более низкого уровня услуг, предоставляемых в сферах образования, культуры и здравоохранения, существовала система распределения, позволяющая повысить качество услуг и привлечь талантливых специалистов в регион. Помимо этого, независимо от материального достатка семьи были предусмотрены каналы восходящей мобильности, которые нивелировали проблемы социального исключения. Этого всего сейчас северяне лишены. Более того, в современных рыночных условиях им оказались недоступными и способы успешных достижений.

Ресурсная зависимость, совмещённая с утратой первоочередного права коренных жителей на природные ресурсы и потерей возможности определять стратегии развития территории, распространилась и ограничила права остальных северян, не имеющих оснований для влияния на экономическую, социальную и экологическую политику в регионе. Между тем конфликт интересов разных агентов к территории, богатой природными ресурсами, усугубился и не позволяет сформулировать общий интерес жителей региона. Напротив, общество становится разобщённым, представляющим собой множество социальных групп, взаимодействующих слабо между собой, но достаточно плотно внутри групп [Лыткина 2011; Лажнецев 2012: 256]. Замыкаясь в себе, эти группы формируют множество субкультурных сообществ, не имеющих общего языка для переговоров. Социальные отношения становятся основанием для (вос)производства социального неравенства, ведут к доминированию вертикальных форм взаимодействия и упрочению престижа властной позиции, обеспечивающей статус и доступ к благам. Отсутствие практик сотрудничества населения и представителей власти снижает и без того слабый уровень самоорганизаций локальных сообществ.

На наш взгляд, теория конкурентных преимуществ, представляемая в экономической науке как ведущая в объяснении природы регионального неравенства, в случае России служит оправданием наращивания ресурсов в крупных городах и игнорирования отдельных территорий, постепенно утрачивающих средства для устойчивого социально-экономического развития. Причина тому лежит в политике центра, поощряющей эксплуатационный характер природопользования, минимизацию расходов на природоохранные и социальные программы, инфраструктурные проекты через концентрацию бюджетных доходов на федеральном уровне и ограничение возможностей жителей региона участвовать в формировании стратегии развития территории. В результате не только утрачиваются возможности

диверсификации экономики и перспективы развития северных территорий за счёт ресурсов второй природы, но и выстраиваются основания для оправдания укрепляющихся структур социального неравенства и перераспределения средств в крупные города и отдельные регионы. Там, в отличие от северных территорий, высокий уровень и качество жизни, а также доступ к благам определяются не через рабочее место исключительно, а по месту проживания.

Приложение

Таблица П.1

Сведения о респондентах

Респондент	Пол	Сфера деятельности	Район
Эксперт 1	Муж.	Руководитель Управления природных ресурсов Республики Коми	г. Сыктывкар
Эксперт 2	Жен.	Руководитель Центра занятости	Усинский район, г. Усинск
Эксперт 3	Муж.	Зам. главы Администрации	Усинский район, г. Усинск
Эксперт 4	Жен.	Председатель Комитета по охране природы	Усинский район, г. Усинск
Эксперт 5	Муж.	Зам. главы Администрации	Печорский район, г. Печора
Эксперт 6	Жен.	Специалист экономического отдела Администрации	Печорский район, г. Печора
Эксперт 7	Жен.	Зам. главы Администрации по социальным вопросам	Троицко-Печорский район, с. Троицко-Печорск
Эксперт 8	Муж.	Руководитель отдела охраны природы	Троицко-Печорский район, с. Троицко-Печорск
Респондент 1	Жен.	Местная жительница, пенсионерка	Печорский район, п. Кедровый Шор
Респондент 2	Жен.	Местная жительница	Усинский район, с. Усть-Уса
Респондент 3	Муж.	Местный житель, водитель	Усинский район, г. Усинск
Респондент 4	Муж.	Местный житель, водитель	Вуктыльский район, г. Вуктыл
Респондент 5	Муж.	Местный житель, рабочий компрессорной станции	Вуктыльский район, г. Вуктыл
Респондент 6	Жен.	Местная жительница, продавец	Вуктыльский район, г. Вуктыл
Респондент 7	Муж.	Местный житель, пожарный	Печорский район, г. Печора
Респондент 8	Муж.	Местный житель, предприниматель	Печорский район, г. Печора
Респондент 9	Жен.	Местная жительница, социальный работник	Троицко-Печорский район, с. Троицко-Печорск
Респондент 10	Жен.	Местная жительница, фермер	Троицко-Печорский район, с. Троицко-Печорск
Респондент 11	Жен.	Местная жительница, предпринимательница	Троицко-Печорский район, с. Троицко-Печорск
Респондент 12	Жен.	Местная жительница, пенсионерка	Ижемский район, с. Ижма
Респондент 13	Жен.	Местная жительница, общественная активистка	Ижемский район, с. Ижма
Респондент 14	Муж.	Местный житель, рабочий кооператива	Ижемский район, с. Ижма
Респондент 15	Жен.	Местная жительница, предпринимательница	Ижемский район, с. Ижма

Литература

- Бирюков С. 2010. Проект «20 агломераций». Шанс для провинциальной России? *Агентство политических новостей*. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23519.htm>
- Битюкова В. Р. 2015. Экологический рейтинг городов России. *Экология и промышленность России*. 19 (3): 34–39.
- Буравой М., Райт Э. О. 2011. Социологический марксизм. *Социология*. 2: 43–57.
- Веселов Д. А. 2010. *Ловушка бедности в странах, богатых природными ресурсами*. Препринт WP12/2010/04. Серия WP12 «Научные доклады лаборатории макроэкономического анализа». М.: Изд. дом ВШЭ. URL: https://wp.hse.ru/data/2010/12/10/1208441289/WP12_2010_04.pdf
- Замятина Н. Ю. 2019. Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации человеческой деятельности. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 4 (47): 174–185.
- Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. 2017. *Региональный консалтинг. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня*. СПб.: Маматов.
- Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. 2018. *Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения*. М.: Ленанд.
- Зубаревич Н. В. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. М.: Независимый институт социальной политики.
- Ильин В. И. 2022. Поколенческая ситуация: уехать или остаться? На материалах биографического исследования в северной глубинке. *Мир России*. 31 (4): 6–32.
- Коротаев В. И. 1998. *Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии*. Архангельск: Поморский государственный университет.
- Кротов П. П. 1998. Симптомы «голландской болезни»: найдётся ли лекарство? Возможности экономической стабилизации ресурсного региона. В кн.: Кротов П.П. (ред.). *Республика Коми: власть, бизнес, политика*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН; 8–30.
- Лаженцев В. Н. (ред.) 2012. *Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на Российском Севере*. М.; Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН.
- Лаженцев В. Н. (ред.) 2021. *Оценка ресурсной эффективности использования возобновимого природного капитала северного региона*. Сыктывкар: Коми республиканская типография.
- Лавриков Ю. Г. (ред.) 2020. *Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.
- Лыткина Т. С. 2005. *Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации*. дис. ... канд. социол. наук. М.

- Лыткина Т. С. 2008. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере Республик Дагестан и Коми). *Россия и современный мир*. 2 (59): 181–189.
- Лыткина Т. С. 2011. Социальная биография исключения в постсоветской России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1: 87–109.
- Лыткина Т. С. 2012. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 3: 130–154.
- Лыткина Т. С. 2014а. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию. *Известия Коми НЦ УрО РАН*. 3: 144–151.
- Лыткина Т. С. 2014б. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 3: 33–47.
- Лыткина Т. С., Смирнов А. В. 2019а. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика. *Арктика и Север*. 37: 94–117.
- Лыткина Т. С., Смирнов А. В. 2019б. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? *Мир России*. 28 (3): 27–47.
- Лыткина Т. С., Ярошенко С. С. 2019. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? *Мир России*. 28 (1): 101–123.
- Малов В. Ю., Тарасова О. В. 2012. Север против юга: ресурсы наши — прибыль ваша? В кн.: *Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2012: VIII Междунар. науч. конгресс и выставка*. 10–20 апреля 2012 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью»: сб. материалов, в 4 т. Т. 1. Новосибирск: Сиб. гос. геодезич. акад. (СГГА); 137–147.
- Мигранты из российских регионов становятся сверхпетербуржцами. 2013. *MR7.ru*. URL: <http://mr7.ru/articles/82604/>
- Оников Л. А., Шишлин Н. В. (ред.) 1989. *Краткий политический словарь*. М.: Политиздат.
- Регионы России. 2021. *Социально-экономические показатели*: стат. сб. М.: Росстат.
- Рыбаковский Л. Л. 2018. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия. *Социологические исследования*. 8: 38–47.
- Сен А. 2004. *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство.
- Сен А. 2016. *Идея справедливости*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Слезкин Ю. 2019. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. М. Новое Литературное обозрение.
- Смирнов А. В. 2020. Пространственные закономерности человеческого развития российского Севера. *Проблемы развития территории*. 6 (110): 35–49.

- Смирнов А. В., Лыткина У. В. 2022. Экономическая специализация и демографическое развитие населенных пунктов северного региона. *Население и экономика*. 6 (2): 14–34.
- Стиглиц Дж. 2016. *Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения?* М.: ЭКСМО.
- Тулаева С. А., Тысячнюк М. С. 2017. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике. *Экономическая социология*. 18 (3): 70–96. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-3/206303871/>
- Фаузер В. В., Смирнов А. В. 2018. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика. *Арктика: экология и экономика*. 3 (31): 6–22.
- Фаузер В. В. et al. 2022. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение. *Арктика: экология и экономика*. 12 (1): 111–122.
- Фомина В. Ф. 2022. Социо-эколого-экономическая устойчивость Северного региона на основе модели «окно устойчивости». *Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»*. 17 (2): 197–220.
- Эпов М.И. 2017. Нужен системный междисциплинарный подход к арктическим исследованиям. *ЭКО: Всероссийский экономический журнал*. 47 (9): 7–25.
- Юшков А. О., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И. 2017. Судьбы российских регионов-доноров. *Вопросы экономики*. 9: 63–82.
- Ярошенко С. 2005. *Бедность в постсоциалистической России*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН.
- Ярошенко С. 2013. Женская работа и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России. *Экономическая социология*. 14 (5): 23–59. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2013-14-5/104332351/>
- Ярошенко С. 2017. Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе. *Экономическая социология*. 18 (4): 60–90. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-4/210171746/>
- Auty R. M. 2001. *Resource Abundance and Economic Growth*. Oxford: Oxford University Press.
- Bolotova A., Stammler F. 2010. How the North Became Home. Attachment to Place Among Industrial Migrants in Murmansk Region. In: Southcott C., Huskey L. (eds) *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts*. London: CCI Press ; 193–220.
- Burawoy M. 2012. The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci. *Sociology*. 46 (2): 187–206.
- Dörre K. 2010. Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation. *Socialist Studies/Études socialistes*. 6 (2): 43–74.
- Harvey D. 2001. *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Harvey D. 2005. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Luxemburg R. 2003 (1913). *The Accumulation of Capital*. London. New York: Routledge.

- Robinson J. A., Torvik R. 2005. White Elephants. *Journal of Public Economics*. 89: 197–210.
- Sassen S. 2014. *Expulsions. Brutality and Complexity in the Global Economy*. London: The Belknap Press of Harvard University.
- Torvik R. 2002. Natural Resources, Rent Seeking and Welfare. *Journal of Development Economics*. 67: 455–470.
- Torvik R. 2009. Why Do Some Resource-Abundant Countries Succeed While Others Do Not? *Oxford Review of Economic Policy*. 25 (2): 241–256.
- Watts M. 2006. Empire of Oil: Capitalist Dispossession and the Scramble for Africa. *Monthly Review*. 58 (4).
URL: <https://monthlyreview.org/2006/09/01/empire-of-oil-capitalist-dispossession-and-the-scramble-for-africa/>
- Watts M. 2007. Petro-Insurgency or Criminal syndicate? Conflict and Violence in the Niger Delta. *Review of African Political Economy*. 114: 637–660.

Tatyana Lytkina, Svetlana Yaroshenko

Expulsions of the Russian North: Exclusion Without Rights to Resources

LYTKINA, Tatyana — PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 26 Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation.

Email: tlytkina@yandex.ru

YAROSHENKO, Svetlana — PhD in Sociology, Member of the Board of the St. Petersburg Association of Sociologists. Address: 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation.

Email: svetayaroshenko@gmail.com

Abstract

Based on the materials of the sociological research carried out within the framework of qualitative methodology, the analysis of nature use practices and attitudes to them of the Russian citizens in general and the local community in particular is offered. The developed concept of expulsion assumes the systemic reproduction of the periphery within nation-states and is characterised by the low potential of local communities to influence the formation of development strategies in a region characterised by rich natural resources, as well as limited opportunities for its inhabitants to engage in meaningful activities and manage their personal life situations in a harsh climate and expensive living conditions. It is argued that modern practices of nature management represent consumer and quasi-traditional strategies of development of the North. They do not contribute to the formation of sustainable strategies for the development of territories, despite the growing critical attitude of the region's residents to the current situation and awareness of the deprivation of their right to own and dispose of land and natural resources. Expulsion is the result of the institutionalisation of prolonged and multiple practices of social exclusion. Institutionalisation is triggered by environmental management policies that ignore the interests of indigenous people and, as a consequence, make it difficult to defend the common interest of Northerners. It is characterised by an awareness of the injustice of this situation, reinforced

by individual defence strategies and supported by five mechanisms: the mythologisation of the well-being of the North, the exploitative way of developing natural resources, the transfer of the costs of their extraction to the inhabitants of the region, the neglect of the interests of local communities, the promotion of migratory attitudes and the identity of temporary workers. The rule of access to benefits through the workplace, which has been preserved since late Soviet times, is not coping with the new challenges. As a result, resources are extracted in some regions and profits are channelled to other, usually more developed, regions. In the northern regions, where natural resources are extracted in this way, different types of dependencies are formed and impoverishment occurs.

Keywords: expulsion; environmental practices; neo-liberal policies; Northern regions of Russia; development and colonisation; northern peoples; traditional lifestyles.

Acknowledgements

The article was prepared within research project “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth” (No. ГР 122012700169-9, 2022–2024).

References

Auty R. M. (2001) *Resource Abundance and Economic Growth*, Oxford: Oxford University Press.

- Biryukov S. (2010) Proekt “20 aglomeratsiy”. Shans dlya provintsial’noy Rossii? [The Project “20 Agglomerations”: A Chance for Provincial Russia?] *Agentstvo politicheskikh novostey*. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article23519.htm> (accessed 5 August 2021) (in Russian).
- Bitjukova V. R. (2015) Ekologicheskiy reyting gorodov Rossii [Environmental Rating of Russian Cities]. *Ecology and Industry of Russia = Ekologiya i promyshlennost’ Rossii*, vol. 19, no 3, pp. 34–39 (in Russian).
- Bolotova A., Stammmer F. (2010) How the North Became Home. Attachment to Place Among Industrial Migrants in Murmansk Region. *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts* (eds. C. Southcott, L. Huskey), London: CCI Press, pp 193–220.
- Burawoy M. (2012) The Roots of Domination: Beyond Bourdieu and Gramsci. *Sociology*, vol. 46, no 2, pp. 187–206.
- Burawoy M., Wright E. O. (2011) Sotsiologicheskiy marksizm [Sociological Marxism]. *Sociology = Sociologiya*, no 2, pp. 43–57 (in Russian).
- Dörre K. (2010) Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation. *Socialist Studies/Études socialistes*, vol. 6, no 2, pp. 43–74.
- Epov M. I. (2017) Nuzhen sistemnyy mezhdisciplinarnyy podkhod k arkticheskim issledovaniyam [A Systematic Interdisciplinary Approach to Arctic Research is Needed]. *ECO*, vol. 47, no 9, pp. 7–25. doi: [10.30680/ECO0131-7652-2017-9-7-25](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-9-7-25) (in Russian).
- Fauzer V. V., Smirnov A. V. (2018) Mirovaya Arktika: prirodnye resursy, rasselenie naseleniya, ekonomika [The World Arctic: Natural Resources, Population Settlement, Economy]. *Arctic: Ecology and Economy = Arktika: ekologiya i ekonomika*, vol. 31, no 3, pp. 6–22. doi: [10.25283/2223-4594-2018-3-6-22](https://doi.org/10.25283/2223-4594-2018-3-6-22) (in Russian).
- Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. (2022) Vyzovy i protivorechiya v razvitii Severa i Arktiki: demographicheskoe izmerenie [Challenges and Contradictions in the Development of the North and the Arctic: demographic dimension]. *Arctic: Ecology and Economy = Arktika: ekologiya i ekonomika*, vol. 12, no 1, pp. 111–122. doi: [10.25283/2223-4594-2022-1-111-122](https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-111-122) (in Russian).
- Fomina V. F. (2022) Sotsio-ekologo-ekonomicheskaya ustoychivost’ severnogo regiona na osnove modeli “okno ustoychivosti” [Socio-Ecological and Economic Sustainability of the Northern Region Based on the “Window of Sustainability” Model]. *Perm University Herald. Economy = Vestnik Permskogo universiteta. Seriya “Ekonomika”*, vol. 17, no 2, pp. 197–220 (in Russian).
- Harvey D. (2001) *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Il’in V. I. (2022) Pokolencheskaya situatsiya: uekhat’ ili ostat’sya? na materialakh biographicheskogo issledovaniya v severnoy glubinke [Generational Situation: To Leave or to Stay? Based on the Materials of Biographical Research in the Northern Hinterland]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 6–32. doi: [10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32) (in Russian).

- Korotaev V. I. (1998) *Russkiy Sever v kontse XIX pervoy treti XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noy ekologii*. [The Russian North at the end of the XIX – First Third of the XX Century. Problems of Modernization and Social Ecology], Arhangel'sk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).
- Krotov P. P. (1998) Simptomy “Gollandskoy bolezni”: naydetsya li lekarstvo? Vozmozhnosti ekonomicheskoy stabilizatsii resursnogo regiona [Symptoms of the “Dutch Disease”: Is There a Cure? Opportunities for Economic Stabilization of the Resource Region]. *Respublika Komi: vlast', biznes, politika* [Komi Republic: Power, Business and Politics], Syktyvkar: Komi NC UrO RAN, pp. 8–30 (in Russian).
- Lavrikov Y. G. (ed.) (2020) *Prioritety nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya regionov: mekhanizmy realizatsii* [Priorities of Scientific and Technological Development of Regions: Mechanisms of Implementation], Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Lazhencev V. N. (ed.) (2012) *Prostranstvennye i vremennye tendentsii social'no-ekonomicheskikh processov na rossijskom Severe* [Spatial and Temporal Trends of Socio-Economic Processes in the Russian North], Moscow; Syktyvkar: Komi NC UrO RAN (in Russian).
- Lazhencev V. N. (ed.) (2021) *Otsenka resursnoy ephpektivnosti ispol'zovaniya vozobnovimogo prirodnogo kapitala severnogo regiona* [Assessment of Resource Efficiency of Renewable Natural Capital Use in the Northern Region], Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya (in Russian).
- Luxemburg R. (2003 [1913]) *The Accumulation of Capital*, London; New York: Routledge.
- Lytkina T. S. (2005) *Ekonomicheskoe povedenie “novykh bednykh” v usloviyakh sotsial'noy transformatsii* [Economic Behavior of the “New Poor” in Conditions of Social Transformation] (PhD Thesis), Moscow (in Russian).
- Lytkina T. S. (2008) Sotsial'noe samochuvstvie i povedenie sel'skikh zhiteley Severa i Yuga Rossii (na primere Respublik Dagestan i Komi) [Social Well-Being and Behavior of Rural Residents of the North and South of Russia (On the Example of the Republics of Dagestan and Komi)]. *Russia and Contemporary World = Rossiya i sovremennyy mir*, no 2 (59), pp. 181–189 (in Russian).
- Lytkina T. S. (2011) Sotsial'naya biografiya isklyucheniya v postsovetsoy Rossii [Social Biography of Exclusion in Post-Soviet Russia]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no 1, pp. 87–109 (in Russian).
- Lytkina T. S. (2012) Sotsial'nyy kapital v reshenii sotsial'nykh problem: praktiki solidarnosti bednykh v Respublike Komi [Social Capital in Solving Social Problems: Practices of Solidarity of the Poor in the Komi Republic]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no 3, pp. 130–154 (in Russian).
- Lytkina T. S. (2014a) Chelovek na Severe posle raspada SSSR: ot priznaniya k ignorirovaniyu [A Man in the North After the Collapse of the USSR: From Recognition to Ignoring]. *Izvestiya Komi NC Uro RAN*, no 3, pp. 144–151 (in Russian).
- Lytkina T. S. (2014b) Sotsial'nyy potencial severnogo goroda: ot ignorirovaniya k priznaniyu [The Social Potential of the Northern City: From Ignoring to Recognition]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no 3, pp. 33–47 (in Russian).

- Lytkina T. S., Smirnov A. V. (2019a) Vytesnenie na Rossiyskom Severe: migratsionnye protsessy i neoliberal'naya politika [Displacement in the Russian North: Migration Processes and Neoliberal Politics]. *Arctic and North = Arktika i Sever*, no 37, pp. 94–117. doi: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94 (in Russian).
- Lytkina T. S., Smirnov A. V. (2019b) Rossiyskiy Sever v usloviyakh global'noy neoliberal'noy politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the Context of Global Neoliberal Politics: Overcoming Spatial Inequality or Displacement?]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 28, no 3, pp. 27–47. doi: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47 (in Russian).
- Lytkina T. S., Yaroshenko S. S. (2019) Vozmozhna li sotsiologiya dlya trudyashchihsya klassov segodnya? [Is Sociology Possible for the Working Classes Today?]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 28, no 1, pp. 101–123. doi: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123 (in Russian).
- Malov V. Y., Tarasova O. V. (2012) Sever protiv yuga: resursy nashi pribyl' vasha? [North versus South: Are Our Resources Your Profit?]. *Interespo Geo-Sibir' – 2012: VIII Mezhdunarodnyy nauchnyy kongress i vystavka. 10–20 aprelya 2012 g., Novosibirsk: Mezhdunarodnaya nauchnaya konpherenciya. "Ekonomicheskoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ekonomika prirodnopol'zovaniya, zemleustroystvo, lesoustroystvo, upravlenie nedvizhimost'yu"*: Sbornik materialov [International Conference "Economic Development of Siberia and Far East. Economy of Natural Resources Use, Land Use Planning, Forest Management, Real-estate Management"], 4 vls, vol. 1, Novosibirsk: Sibirskaya gosudarstvennaya geodezicheskaya akademiya (SGGA), pp. 137–147 (in Russian).
- Migranty iz rossiyskikh regionov stanovyatsya sverhpeterburzhtsami [Migrants from Russian Regions Become Super-Petersburgers]. (2013) *MR7.ru*. Available at: <http://mr7.ru/articles/82604/> (accessed 8 June 2023) (in Russian).
- Onikov L. A., Shishlin N. V. (ed.) (1989) *Kratkiy politicheskiy slovar'* [A Brief Political Dictionary], Moscow: Politizdat, 1989.
- Regiony Rossii. (2021) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: statisticheskiy sbornik* [Regions of Russia. Socio-economic indicators], Moscow: Rosstat (in Russian).
- Robinson J. A., Torvik R. (2005) White Elephants. *Journal of Public Economics*, no 89. pp. 197–210.
- Rybakovskiy L. L. (2018) Kolonizatsiya aziatsky chasti Rossii: osobennosti osushchestvleniya i geopoliticheskie posledstviya [Colonization of the Asian part of Russia: Implementation Features and Geopolitical Consequences]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 8, pp. 38–47. doi: 10.31857/S013216250000760-9 (in Russian).
- Sassen S. (2014) *Expulsions. Brutality and Complexity in the Global Economy*, London: The Belknap Press of Harvard University.
- Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Sen A. (2016) *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice], Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara (in Russian).
- Slezkin Y. (2019) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North], Moscow: Novoe Literaturnoe obozrenie (in Russian).

- Smirnov A. V. (2020) Prostranstvennyye zakonomernosti chelovecheskogo razvitiya rossiyskogo Severa [Spatial Patterns of Human Development of the Russian North]. *Problems of Territory's Development = Problemy razvitiya territorii*, no 6 (110), pp. 35–49. doi: 10.15838/ptd.2020.6.110.3 (in Russian).
- Smirnov A. V., Lytkina U. V. (2022) Ekonomicheskaya spetsializatsiya i demographicheskoe razvitie naselennykh punktov severnogo regiona [Economic Specialization and Demographic Development of Settlements in the Northern Region]. *Population and Economics = Naselenie i ekonomika*, no 6 (2), pp. 14–34 (in Russian).
- Stiglitz J. (2016) *Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya?* [The Great Division. Inequality in Society, or What Should the Remaining 99% of the Population Do?], Moscow: EKSMO (in Russian).
- Torvik R. (2002) Natural Resources, Rent Seeking and Welfare. *Journal of Development Economics*, no 67, pp. 455–470.
- Torvik R. (2009) Why Do Some Resource-Abundant Countries Succeed While Others Do Not? *Oxford Review of Economic Policy*, no 25 (2), pp. 241–256.
- Tulaeva S. A., Tsyachnyuk M. S. (2017) Mezhdru nepht'yu i olenyami. O raspredelenii blag mezhdru nephtyanikami i korennyimi narodami v rossiyskoy Arktike i Subarktike [Between Oil and Reindeer. Benefit Sharing Arrangements between Oil Companies and Indigenous People in Russian Arctic and SubArctic Regions]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 3, pp. 70–96. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-3.html> (accessed 20 November 2023) (in Russian).
- Veselov D. A. (2010) *Lovushka bednosti v stranakh, bogatykh prirodnymi resursami* [The Poverty Trap in Countries Rich in Natural Resources]. Preprint WP12/2010/04, WP12 series “Scientific Reports of the Laboratory of Macroeconomic Analysis”, Moscow: HSE Publishing House. Available at: https://wp.hse.ru/data/2010/12/10/1208441289/WP12_2010_04.pdf (accessed 20 November 2023) (in Russian).
- Watts M. (2006) Empire of Oil: Capitalist Dispossession and the Scramble for Africa. *Monthly Review*, no 58 (4). Available at: https://doi.org/10.14452/MR-058-04-2006-08_1 (accessed 8 June 2023).
- Watts M. (2007) Petro-Insurgency or Criminal Syndicate? Conflict and Violence in the Niger Delta. *Review of African political economy*, no 114, pp. 637–660.
- Yaroshenko S. (2005) *Bednost' v postsotsialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Socialist Russia], Syktyvkar: Komi NC UrO RAN (in Russian).
- Yaroshenko S. (2013) “Zhenskaya rabota” i lichnoe blagopoluchie. Tekhnologii isklyucheniya v postsovetskoy Rossii [“Women’s work” and Personal Well-Being. Technology of Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 5, pp. 23–59. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2013/12/07/1336014987/ecsoc_t14_n5.pdf#page=23 (accessed 20 November 2023) (in Russian).
- Yaroshenko S. (2017) Lishnie lyudi, ili O rezhime isklyucheniya v postsovetskom obshchestve [Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 4, pp. 60–90. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-60-90 (in Russian).

Yushkov A. O., Oding N. Y., Savul'kin L. I. (2017) Sud'by rossiyskikh regionov-donorov [The Fate of the Russian Donor Regions]. *Voprosy Ekonomiki*, no 9, pp. 63–82. doi: [10.32609/0042-8736-2017-9-63-82](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-63-82) (in Russian).

Zamyatina N. Y. (2019) Antropologiya zonal'nosti: priroda i kul'tura v prostranstvennoy differentsiatsii chelovecheskoy deyatel'nosti [Anthropology of Zonality: Nature and Culture in the Spatial Differentiation of Human Activity]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, no 4 (47), pp. 174–185 (in Russian).

Zamyatina N. Y., Pilyasov A. N. (2017) *Regional'nyy konsalting. Opyt razrabotki dokumentov strategicheskogo planirovaniya regional'nogo i munitsipal'nogo urovnya* [Regional Consulting. Experience in the Development of Strategic Planning Documents at the Regional and Municipal Level], St. Petersburg: Mama-tov (in Russian).

Zamyatina N. Y., Pilyasov A. N. (2018) *Rossiyskaya Arktika: k novomu ponimaniyu protsessov osvoeniya* [The Russian Arctic: Towards a New Understanding of the Development Processes], Moscow: Lenand (in Russian).

Zubarevich N. V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization], Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki (in Russian).

Received: August 7, 2023

Citation: Lytkina T., Yaroshenko S. (2023) Vytesnenie Rossiyskogo Severa: isklyuchenie bez prava na resursy [Expulsions of the Russian North: Exclusion Without Rights to Resources]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 5, pp. 93–127. doi: [10.17323/1726-3247-2023-5-93-127](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127) (in Russian).